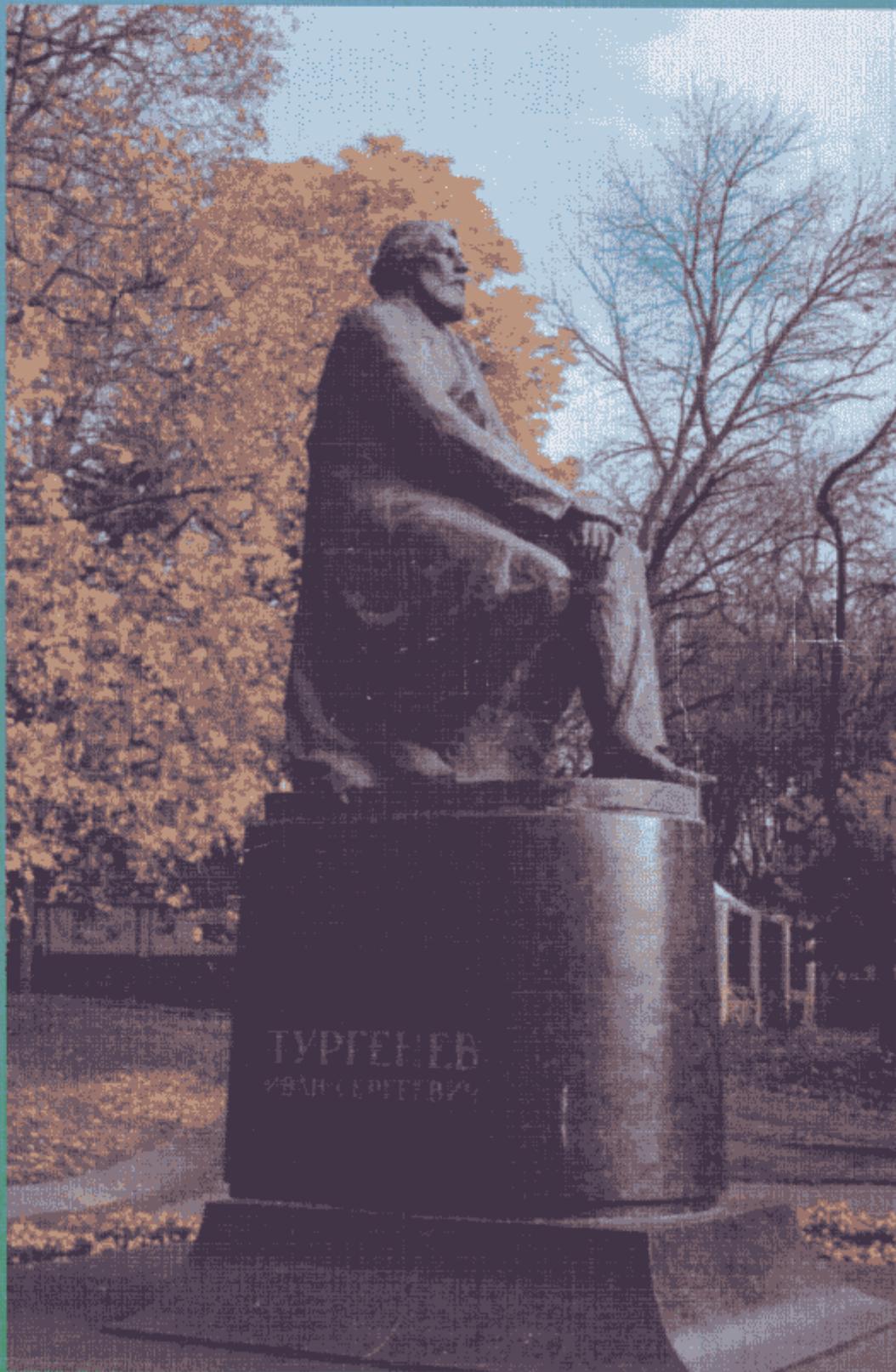

5-81

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

О Р Ё Л КРЫЛАТЫЙ ГОРОД

Орёл – 2015

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

ОРЁЛ
2015

ББК 84(4) 3

3 – 81

3 – 81 Л.М. Золотарёв «Орёл. Крылатый город» / Фотоснимки, стихи и песни, историческая драма. – Орёл: ПФ «Картуш», 2015 г. – 150 с.

ISBN 978-5-9708-0451-3

«Орёл. Крылатый город» – книга об Орле навстречу его юбилею (2016), когда городу исполняется 450 лет. В книгу включены стихи и песни об Орле – современные и исторические, лирические и эпические. Особого внимания заслуживают гимны об Орле и Орлее – Орловщине, слова, положенные автором на музыку своей души. В книгу включен цикл стихов «Моя малая родина». Сюда же вошли историческая драма об Орле изначально, цикл стихов о М.Ю. Лермонтове к его 200-летию.

Книга Леонарда Михайловича Золотарёва зримая (фотоокно) и в то же время звучащая (песни автора). Интересна всем, кто любит свой красивый, крылатый город, родную Орловщину.

ISBN 978-5-9708-0451-3

© Золотарёв Л.М., 2015 г.

© ПФ «Картуш», 2015 г.

**СТИХИ И ПЕСНИ
ОБ ОРЛЕ**

Гимн Орлу

Крылатой птицей над Окой летящий,
Орёл наш - город славы боевой.
Уж пятый век, как друг твой настоящий,
Он задушевно говорит с тобой.

ПРИПЕВ. Боянный, среднерусский, синеокий-
В музейный город едет вся страна.
Пусть мелки воды - берега высоки,
И всё нам имена, всё имена.
Первый салют Орлу - мы победили!
Первый салют - и всегда победим!
Улицы - розы, улицы - крылья,
Город любимый, Отечества дым!

Столица близко, слышатся куранты,
Кремлём - красавцем искренне горжусь.
Пусть мелки воды - глубоки таланты.
Могучая тургеневская Русь!

ПРИПЕВ. Боянный, среднерусский, синеокий -
Гербовный город знает вся страна.
Пусть малы воды - велики дороги,
Овеянная славой сторона.
Первый салют Орлу - мы победили!
Первый салют - и всегда победим!
Улицы - розы, улицы - крылья,
Город любимый, Отечества дым!
Улицы - розы, улицы - крылья,
В небе России к солнцу летим!
В гербе России счастья хотим!

Песня об Орле

Орёл, Орёл мой! В этом слове
Ласкает душу мне и слух –
Боянный в речевой основе –
Наш русский гений, русский дух.
Из глубины, в дожди и грозы
Неся родную нашу речь,
Мы - соль земная, сок берёзы,
Нам заповедное беречь.

ПРИПЕВ. Всё тут моё, всё тут мне дорого.
А воздух, кажется, такой,
Что чуть взмахни - и ты над городом,
Летишь, как птица, над Окой.

Даря живое слово весям,
Тут, в разнотравии своём,
Мы - шум дубрав, мы - кладезь песен,
Тут мы и плачем, и поём.
Орёл мой - в сердце у России,
В Москве, на гербе отчем, - свой.
Уж пятый век, а всё красивей
Мой город русский, корневой.

ПРИПЕВ. Всё тут мое, всё тут мне дорого.
А воздух, кажется, такой,
Что чуть взмахни - и ты над городом,
Летишь, как птица, над Окой.

Моя Орлея

Опять Орёл мой - город приграничный.
Вновь до границы, как рукой подать.
Сам царь Иван к нам за печатью личной
Указом на крому направил рать.

Мол, поищите место, чтобы крепость
Замкнула юг, Москву, её венцы.
И пядь земли, но очень много неба
Увидели тут царские стрельцы.

Гнездо орла на «Стрелке», на дубице...
С тех самых пор легенда и живёт,
Как где-то тут гнездились и гнездится
С орлом орлея, на слияньи вод.

Истокам, что в Оку века впадали,
Окрестностям из городов и сел
«Орлеи» летописцы имя дали.

И только крепость (царь сказал) - «Орёл»!
Враг под Москвой! И, жизни не жалея,
Встаем стеною насмерть за неё.
Трубят веками наш Орёл с Орлеей
Российское, орловское, моё!

В первопрестольной - в облике державы
Опять мой город сам себя обрёл.
Российский герб - он потому двуглавый,
Что со столицей, нашею орлицей,
В союзниках - и наш родной Орёл!

Гляжу, как солнце виснет чечевично
И дальше западает за крому.
Опять Орёл мой - город приграничный,
Проходит грань по сердце моему.

Гнездо на «Стрелке». Вечер пламенится.
И клёкот орлий где-то за Окой.
А тут – Орёл, а там у нас - столица,
И много-много неба над Окой.

Страны света

То ли к Орлу сбегаются дороги,
То ль, разбегаясь, образуют крест.
На Юг и Север - где поныне боги,
А на Восток и Запад - Зюйд и Вест.

Где солнце всходит, где оно садится.
С Востока - утро, а на Запад - ночь.
На Севере - Москва у нас, столица,
Наш «третий Рим», - четвёртый, пятый прочь!

Кремль златоглавый, патриарх российский.
На Юге где-то Иерусалим...
Вот так тут и живём. Теперь сосиски
Давно полузабытые едим.

«Все флаги в гости», - к нам везут товары.
И под хмельком - «все флаги из гостей».
Кто там сказал, что он, Орёл наш, старый?
Старинный он, и никаких гвоздей!

Нам повезёт! На эти страны света
Нацелены орлиные крыла.
Орёл летит! Счастливая примета.
И мы на этих крыльях у Орла.

Александровский мост
(песня)

Саше Фосмань

Город-птица, а мост неподвижен.
Две реки, два моста, два крыла.
Тут взлетел, очутился в Париже.
Александровский мост из Орла.

Александровский мост, Александровский мост.
Под мостами то Орлик, то Сена.
Перепутана жизнь - то француз, а то росс,
Александровский мост неизменно.

Назначаю свиданье тебе у моста, -
Александровский мост, Александра.
Позабыл, в каком городе эти места,
Где вы ждёте меня, Леонарда.

Александровский мост, Александровский мост.
Звёзды реют в бездумном полёте.
Я в Париже ищу злато ваших волос,
А вы тут, у моста, меня ждёте.

Александровский мост, Александровский мост,
Александра со мной неизменно.
Под мостами течёт солнце ваших волос, -
Славен Орлик, божественна Сена.

Улица Латышских Стрелков
(песня)

Училище наше - рабочая смена,
На улице нашей Латышских Стрелков.
Мы герб вырезаем из клёна отменно,
Под гербом Орла и летим высоко.

Мой русский характер горячий, не скрою!
Талант не зарою свой, не затаю!
«Славянские корни» - я строю, я строю
В орловском краю деревеньку свою.

Мы будем учиться, нам нравится это,
Мы будем влюбляться с тобой наяву.
Я вырежу солнце, я выкрашу лето
И жить в деревеньку свою позову.

Мой русский характер горячий, не скрою.
Талант не зарою в тумане веков.
Да здравствуют руки, которыми строю,
И улица наша Латышских Стрелков!

Качели

(песня)

Любую беду а лечи находу,
Такая в Орлове примета.
Качайтесь, качели, у нас в горсаду,
Какому лет двести уж где-то!

Под ручку ходили напару сюда
Дворяночки сладкие летом.
Тут пели романсы свои господа,
А бось отвечала куплетом.

Губернское братство стекает рекой,
И вся Монастырка при этом.
Качайтесь, качели, над синей Окой!
Крутись, голубая планета!

Качайтесь, качели, несите меня
Всё выше и выше, до неба!
Увижу Орловщину - грохнусь с коня
На волны могучие хлеба.

Качайтесь, качайтесь, качайтесь все!
Несите по небу, качели!
На чёртовом вместе летим колесе,
А вы чего бы хотели?

На прекрасной голубой Оке
(вакхическая песня)

На прекрасной голубой Оке
Мы сидим втроём, стакан в руке.
И шумит волна, хмельна,
Как в стакан глоток вина,
И сидится хорошо на реке.

Мы втроём сидим и пьём,
Говорим о дне своём,
И течёт река, хмельна.
Бесконечна глубина,
Далеко ещё до дна,
Обмывайся, мой книга, мой том!

На прекрасной голубой Оке
Мы сидим втроём, стакан в руке.
И шумит волна, хмельна,
Зачерпни ещё со дна,
И сидится хорошо, как в шинке.

На прекрасной голубой Оке
Мы сидим втроём, стакан в руке.
И течёт Ока, хмельна,
По глотку в стакан вина.
Как сидится хорошо на реке!

И течёт река, хмельна,
По глотку в стакан вина,
Как сидится хорошо на Оке!

Червонная свеча

(песня)

От главной площади Орла –
Две улицы, как два луча,
Две волховы, сквозь город прорезаясь,
И золотые купола –
Червонна золота свеча
Горит в сердцах, по двум лучам передвигаясь.
Одним лучом - с холма туда,
Вниз по бульвару, кабакам,
В храм на Лесковской, в златоглавость упираюсь.
Я чту старинные года,
Красиво тут, красиво там.
Как по весне, как в тишине тревожит завязь!

Другим лучом с холма на холм,
На кафедральный шпиль, собор,
На острие его ложусь и замираю.
Здесь бой курантов и «Бристоль»,
Как изумителен обзор!
У края моря тут стою и припадаю.
На двух лучах вальс «При свечах»,
Как всё в Орле на двух лучах.
Со временем никак не успокоюсь.
Роман давно бы мой зачах,
Но на устах, но на плечах
Всё эта нескончаемая повесть.

Роман я с городом кручу,
А на устах... молчу, молчу...
Не до столиц нам с лоском их и блеском.
Несу червонную свечу
И не столичности хочу,
А всё-таки как где-нибудь на Невском.
От главной площади Орла –
Две улицы, как два луча.
Две волховы, две волховы, две волховы.

«Бристолю»

(песня про жеребёнка)

Как выйду за город, в степное раздолье,
В зелёное поле - просторно-то как!
Так сердце окатит Россией, любовью, -
На хлебные волны наброшу пиджак.
И вроде не Нельсон ведь, не иностранец,
И бредней чужих не приму за коня,
А веки прикрою - «летучий голландец»
По глазу, по глазу копытом в меня!

ПРИПЕВ. На парусе белом мне любо качаться
Да искрой из глаз осыпать берега.
Заржёт жеребёнок - горластый, чертёнок!
И я ему в голос, ага.

Иду на рассвете в Орле из «Бристоля»,
Такой опустелый, мощной не звеня,
Когда же, когда же, моё золотое,
О поле родное, накормишь меня?

Как выйду за город, в степное раздолье, -
Такой бесприютный, затисканный весь,
Так сердце окатит Россией, любовью, -
И, значит, мы живы, и, значит, мы есть.

ПРИПЕВ. Качайся, пиджак, на колосьях зелёных!
И ты, колыбель моя, вы - берега!
Заржёт жеребёнок - талантлив, чертёнок!
И я ему в голос, ага.

Эпиталама

Всего говорят, что город наш - Тургенева
Тургеневское чудо, говорят.
И кто же мы? А гении от гения.
Как яблок, моих книжек целый сад.

Иду на подвиг! Как на смертный бой!
Эпиталаму кровью написал.
Любимая, последняя! С тобой
И умирал сто раз, и воскресал.

Не салютуют, не клеймят с экрана,
На том спасибо, братцы. А вчера
Иван сказал: зарежу вот барана
И посидим маленько у костра.

Все говорят, что город наш - Тургенева.
И он был не народный, говорят.
А мне Орёл как сядет на колени,
Так вслух эпиталамы и летят.

А мой Орёл как вымахнет из сада,
Так и клекочет, ищет нас, зовёт.
Как высшая награда - сердце радо
Тут утонуть, в подкове вешних вод.

Розовая «Стрелка»

На «Стрелке» розовое солнце,
Неумолимо розова листва.
Как будто день, высь выпитый до донца,
К закату приберёт свои слова.

И миг ещё - и розовость берёзы
И в тень уйдёт, и в вечность упадёт.
Вот почему так дороги нам розы,
Кто дешёво их нынче продаёт?

И он исчез - тот миг, все очертанья
В тенях домов собой переменив.
Лишь за Окой чуть розовели зданья,
А в окнах уже резались огни.

Старый солдат

... Мы поэты с реки, вроде как моряки.
Заштормило нас всех, закачало.
Уж не помню когда, ел я те шашлыки,
Спал под крышей, а не у причала.

Но как только весна, только вздрогнет блесна,
Вижу - солнце в реке заиграло.
Так и рвутся стихи - раздуваю мехи,
Открываю, как рыцарь, забрало.

Я в ударах судьбы слышу голос трубы,
Я от гимнов былых задыхаюсь.
И, как старый солдат, умирая сто крат,
Со щита во весь рост поднимаюсь.

Тургеневская улица
(песня)

По Тургеневской улице хаживал Фет,
И Лесков, сам Тургенев и Тютчев.
Бунин тут ощущал диалект,
Говорок наш великий, могучий.

ПРИПЕВ. Поле славы моё,
Подвиг близких людей.
Я иду по Тургеневской - сердце поёт,
Шевелится словечко сильней.

Тут родился Тургенев, великий Иван,
А в Париже такие живут.
Проявляются гении Богу и нам,
Признают же потом и не тут.

ПРИПЕВ. Поле славы моё,
Подвиг близких людей.
Я иду по Тургеневской - сердце поёт,
Шевелится словечко сильней.

По Тургеневской вдоль за музеем музей,
Стержень нации, отчие боли.
Собираюсь в музей, выбираю друзей,
Да покрепче каких и поболе.

Лиза Калитина

(песня)

Встречу её на Дворянском гнезде.
В белом, как будто в тумане.
После по городу вижу везде –
Облики, предначертанья.

Дом деревянный, а возле него
Бедная, бедная Лиза.
Лиза Калитина из ничего,
В белых божественных ризах.

Оба мы с ней не из наших времён,
Оба мы с нею оттуда,
Кто-то тогда был в кого-то влюблён,
В нас продолжается чудо.

Лиза Калитина - вера в надеждах,
Миг за калиткой, любовь.
Дом деревянный, и в белых одеждах
Всё начинается вновь.

Орловчанка
(песня)

Не спеши ко мне, не спеши
Со своею прекрасной улыбкой.
Не пиши мне письма, не пиши,
Был ошибкой тот день, был ошибкой.

Не лети со смущённой душой, -
Не француженка, не англичанка, -
Мне и так без тебя хорошо,
Дорогая моя орловчанка.

Не стучи каблучком, не кричи
С полохапкой персидской сирени.
Помолчи у свечи, помолчи,
Прикрывая рукою колени.

Не врывайся ко мне, не греши,
Как в Японии где-то цунами.
Не пиши же письма, не пиши,
Пусть останется тайное с нами.

У Каховки, задумчив, стою.
Размышляю: а где же тачанка?
Без винтовки сражён я в бою,
Дорогая моя орловчанка.

Монастырка

(песня)

Живу в Монастырке, в старинном Орле,
Пишу свои книжки и песни.
Давно пребываю на грешной земле,
Пою свои песни, хоть тресни.

А кто ты такой, да кто ж ты такой?
Прозаик, певец, композитор?
Да вот мой двойник, Леонардо с клюкой,
Орёл осчастливил визитом.

Подводную лодку опять изобрёл.
Садится в свою «сумбарину»
И водным путем посещает Орёл,
Плывет, просвещает «малину».

То рифмой рисует, то ноту берёт,
Кричит, беспокоя соседей.
Вот так мы и ходим в Орле тут в народ,
Как вышли из энциклопедий.

В своей Монастырке, как пёс на углу,
С прохожими стой и не лайся.
А ты, Леонардо, не нужный Орлу,
В «да Винчи» к себе убирайся!

Да кто ж ты такой, да кто ж ты такой?
Артист, драматург, композитор?
Катись, Леонард, со своею клюкой
Ко всем остальным недобитым.

Русичи
(задравный тост)

Кто мы такие? А гений от гения.
Кто мы такие в Орловском краю?
Отпрыски русские, дети Тургенева,
В каждом из вас я себя узнаю.

Русские, русы мы, белые - белые,
Чистые снега, гремучая смесь.
Я - коренной, ничего не поделаю.
Русич — всемирно отзывчивый весь.

Все тут свои, а плесну-ка я в кружку.
Всех зазываю поднять по одной –
В хату мою, в мою деревушку,
Где я способом тряхнуть стариной.

Русские, русичи, души красивы.
Русский язык бесконечно родной.
Вот как пошёл, как пошёл, как пошёл по России...
Всё бы отдал, чтоб вернулся домой.

Кто мы такие? А гений от гения.
Кто мы такие в орловском краю?
Русские, русичи, дети Тургенева,
В каждом из вас я себя узнаю.

У храма Михаила-Архангела

От жизни современной сатанея,
Всё бы крушить нам, всё бы в непокой.
Но вот стоишь, от радости немея.
Вот Михаил-Архангел пред тобой.

Под куполами тянет к высоте,
В скрижали неба, в певчие скрижали.
И через шпиль приводят к Красоте,
В священные, святые вертикали.

В гееннах адских сгинут злые сны,
Враги помрут, перебесятся бесы.
Ходите в храмы, граждане страны, -
Вот где с подкорки убирают стрессы!

Орёл

Его я собираю из всего -
Из недр константинопольской души.
Из океана неба самого,
Укутанного в синий креп-де-шин.

Упрусь глазами в свой носильный крестик,
Как Датский Принц во царствие свое.
Орёл двуглав, как мы на Лобном месте.
Как где-то там поэт Андре Шенье.

14 июля 2012г.,
День взятия Бастилии.

Белый самолёт

И самолёта корпус серебристый
Нацелен ввысь с «Ботаники» в Орле.
И рвётся в космос дух его неистов,
И падает, как яблоко, к земле.

Деньги

Вот Орлик. Банк как истина простая.
Вот нищий на мосту - не обижать.
Зачем же там, когда их не хватает,
Зачем им там, в подвалах тех, лежать?

На посту

По Московской «Вольво» едет,
За рулём водитель Федя.
Всюду вхож, как медный грош,
На Дудаева похож.
И «гаишник» жезлом ловко:
Всем усатым остановка!

Мысль, пришедшая в голову на рынке в Орле

Звиад Гамсахурдия, Звиад Гамсахурдия,
Звиад Гамсахурдия и апельсин...
А всё же - а всё же, а всё же - а всё же
С французского тоже ведь переводил.

Му-му

И.С. Тургеневу

Собачку - в пруд! Туда, где звёздно.
Мы - кравенцы, коровий род...
Герасим в бездны капнул слёзно:
«Му-му, мы-мы!» Не нем народ.
А перед матерью Вселенной
В начале речи мы отменной.

Голубь на балконе

Голубь выступает на балконе.
На плече Лескова посидел,
А теперь, как бес из Калифорнии,
Лепит, что подслушал, подглядел.

Вяхирь, вяхирь, будет же тебе!
Витютень, остынь, не выступай!
Кто сказал хоть раз «возьми себе»?
Все одно глаголят: «мне» и «дай».

– А с утра, - заметил соловей, -
На Лескове вяхирь не сидел...
Вон лежит с инфарктом на траве,
До плеча чуть-чуть не долетел.

Библиотека имени Бунина

Когда вовсю цветет сирень
И зелено кругом,
Сюда вхожу я каждый день,
В высокий этот дом.

Какой бы ворон ни кружил,
Ни угрожала тьма,
Сюда иду набраться сил
И, может быть, ума.

Да, я иду набраться сил!
И плача, и любя,
Здесь, в окружении светил,
Я прихожу в себя.

Да, в окружении светил!
Да, к их живой судьбе
Я прихожу набраться сил,
Я прихожу к себе.

Разговор с литпамятниками

Орёл вспоил, ещё кого-то вспоит,
Вода всегда у нас тут под рукой.
Литпамятники, в липовом налое,
Уж в сумерках присели на покой.

Ну, ты и барин был, мон шер Тургенев!
Хоть и не пил, но шастал по кафе.
А Бунин не игрок... но тем не менее,
Сгорал на этом... ау-то-да-фе...

Есенин в поэтическом угаре
Не накопил ведь тоже ни шиша.
А вот Лесков поменьше их мытарил,
И подковал кого там Левша.

А мы у них бездарные потомки,
О деньгах говорим сто раз на дню,
А сами носим пустоту в котомке,
Рублишко клянчим тут у «парвеню».

И что ему Россия - мимо, мимо!
Что он России - тут со стороны?
С времён Очакова и покоренья Крыма
Что отчее нам, блудные сыны?

А вы забронзовели - корифеи,
По памятникам сели и сидим?
Отговорили рощи и идеи,
Осиротели, превратились в дым?

А мне б огня, стихии вашей мне бы,
Божественного трепета в груди!
О третий глаз! О состязанье с Небом!
О Вечная Дорога впереди!

Орлиная земля (песня)

Кленовый лист в холмах и перелесках,
А по холмам раскинуты крыла.
Я здесь живу, моё родное место
Под сердцем у державного орла.

Взгляну на Север - русские столицы,
Шагну на Юг - всё русские края.
А тут мой дом, Орёл мой тут гнездится,
Любовь моя, Орловщина моя.

ПРИПЕВ. К звезде своей за тучею –
Орлы - летим над кручею.
Сиреневы, задумчивы поля.
Орлиная, былинная,
Родная, срединная
Коренная русская земля.
Русь - милая моя,
Русь - отчие края,
Ключ - синяя Ока,
Солнце размыкает облака.
Тут - все мои друзья,
Труд - все мои дела,
Тут - вся моя семья,
На широких крыльях у орла.

Вновь облетают вековые клёны.
Кладу листок кленовый на ладонь.
Прожилки, совместясь, в душе влюблённой
В который раз вдруг высекут огонь.

Сжигало нас и в осенях, и в войнах.
Но Русь стоит, живёт, как и жила.
Всё золотеет мой вечнозелёный,
Всё в синеве орлиные крыла.

ПРИПЕВ. К звезде своей за тучею –
Орлы - летим над кручею.
Сиреневы, задумчивы поля.
Орлиная, былинная,
Родная, серединная,
Коренная русская земля.
Русь - милая моя,
Русь – отчие края.

К звезде своей за тучею –
Орлы - летим над кручею.
Сиреневы, задумчивы поля.
Орлиная, былинная,
Родная, серединная,
Коренная русская земля.

Орлиная, любимая,
Моя неповторимая –
Коренная русская земля,
Коренная русская земля.

ПУШКАРНАЯ СЛОБОДА

В десятом классе - сочинение.
 Дается тема про Орёл.
 «Андреев Лео...» Нет терпения.
 Остановился. Видит - «кол».

Вздыхнул и оглянулся парень.
 И что же всюду? «Часто - кол»!
 Сидят за партами все парами.
 И пишут тоже про Орёл.

И написал он: «На Пушкарной,
 Наверно, жили пушкари.
 И так как жили не шикарно,
 Дрались с зари и до зари.

И так всю жизнь они ходили
 С проломленной головой.
 И мало ели, много пили,
 Валялись все по мостовой.

Был первым из бомжей Гараська.
 Он даже с полицейским пил...»
 - Что пил? - спросил его друг Васька.
 - Не самогон. Наверно, ром.
 - А деньги что?
 - А деньги - прятали в пролом.
 - В какой пролом?
 - А ну-ка, тссс! - сказал учитель,
 -

Их главный идиот, мучитель. -
 А ты, Семёнов, не глазей.
 Твою работу...
 И хором класс:
 -... возьмут в музей.
 - В гробу видал я ваш музей –
 - Не Колизей!

И пишет дальше парень первый:
«Был полицейский - Бергамот.
Как груша, треугольный, нервный.
С широким задом, хитрый, чёрт.

Но, если Бергамот, то круглый.
Зелёный, круглый должен быть ...
Писатель, как цыган, был смуглый,
Он тоже может начудить.

Но, если вдуматься, то круглый,
Как мячик, чтоб не утонуть...
Режим ему был... был ему...»
- Какой тогда был тот режим? –
Спросил Семёнов Ваську.
- Давай в Америку сбежим? –
Вздыхнул тот. - Жаль Гараську.
Он был кудрявый, рыжий был...
- Кто? Тот режим?
- Какой режим!
Давай в Америку сбежим...
- К индейцам, к бледнолицым?
- Где - Солженицын.

Учитель, прерывая их:
- Пусть скажут нам вон те друзья,
Что я им ставлю в этот миг
В журнал. Ну сколько на двоих?
- Наверно, два, -
Они ответили едва.

И выгнали их вон, наружу.
И не в Америку - легки,
А на Пушкарную по лужам
Помчались наперегонки.
И всё искали тот «пролом»
(«А ну с забора слазь-ка»)
Покуда колом (иль колом?)
Не встретил их Гараська.

* * *

Пушкин и пушкари... Кое-что одинаково.
Русского много всякого.
Колокол от зари до зари!
Мы - пушкари.

* * *

Хотя над нами «верхний» город,
А мы как будто под горой,
Но слобода мы, дух наш молот.
Пушкарь свободный я, герой!

Деревянные кружева

В землю врос он - бревенчатый, низкий.
Повидал, видно, свадеб и слёз.
Без заслуг, вне охранного списка,
Утвердили его на снос.

Подогнали к крыльцу бульдозер –
Задрожал, застонал каждый лист.
Как присох, краснощёк на мороз.
Ясноглазый бульдозерист.

Что конёк, что карниз, что дверцы –
Деревянные кружева.
- Что ж мы делаем, братцы, черти!
Вещь музейную на дрова?

Замолчали стальные кони,
Паренёк на крыльцо шагнул.
И держал, как занозу в ладони,
Чей-то маленький детский стул.

**ОРЁЛ – ПТИЦА С ДУБА,
КРЕПОСТЬ НА ОКЕ**

Историческая драма

Орёл – птица с дуба, крепость на Оке
(историческая драма)

Действующие лица

Царь Иван IV(Грозный) – первый царь, самодержец Московской Руси.

Анастасия – царица, первая жена царя Ивана из рода Захарькиных – Юрьевых.

Митрополит Макарий – духовный блюститель Московской Руси.

Князь Андрей Курбский – сверстник царя, военачальник Московского государства, перешедший затем на сторону Польши.

Алексей Басманов и князь Вяземский – любимцы царя.

Малюта Скуратов – лидер опричников.

Алексей Адашев – вдохновитель и сторонник оппозиции в Москве.

Одноглазый воин – наёмник из генуэзцев, разведчик крымчаков, хана Гирея, постоянно вторгающихся из Дикого поля в южные пределы Московии.

Люди земли Орловской.

Пушкарь Никитин – житель Пушкарной слободы.

Василиса Никитишна – жена его, крепкая русская женщина из простонародья.

Анюта – их дочь.

Слуга Симеон – двойной лазутчик – у русских и крымчаков.

Отец Василий – настоятель Богоявленского храма у слияния рек Оки и Орлика.

Первый ратник.

Второй ратник.

Пушкари, стрельцы, москвичи и орловцы – военные и мирные жители новой крепости, Пушкарной слободы и противостоящие им: с юга – крымчаки, с запада – ливонцы, с востока – золотоордынцы.

Действие происходит то в Москве, то тут в Орле и Орлее, во времена основания крепости, города.

Пролог.

Голос со стороны. С незапамятных лет живёт в народе легенда о том, как в октябре 1566 года тут, у слияния Оки с Орликом, по воле царя Ивана Грозного, была заложена крепость Орёл. С молодого

дуба, разбуженного голосами, слетела царь-птица и взмыла в небо, повисла над радугой.

- Доброе предзнаменование! – вскрикнули русичи и нарекли город-крепость Орлом, а его округу Орлеей.

Из уст в уста побрела легенда по поколениям, пока кто-то из потомков не сказал своё, самобытное слово.

Опять Орёл мой город приграничный,
 Вновь до границы как рукой подать.
 ... Сам царь Иван к нам за печатью личной
 Указом на крому направил рать.
 Мол, поищите место, чтобы крепость
 Замкнула юг, Москву, её венцы,
 И пядь земли, но очень много неба
 Увидели тут царские стрельцы.
 Гнездо орла на «Стрелке», на дубице...
 С тех самых пор легенда и живёт,
 Как где-то тут гнездилась и гнездится
 С орлом орлея, на слияньи вод.
 Истокам, что в Оку века впадали,
 Окрестностям из городов и сёл
 «Орлеи» летописцы имя дали,
 И только крепость (царь сказал): «Орёл!»

На заднем плане сцены возникает изображение города над могучим дубом с орлом.

Всё тот же голос со стороны.

...Враг под Москвой! И, жизни не жалея,
 Встаём мы с юга насмерть за неё.
 Трубят веками нам Орёл с Орлеей
 Российское, орловское, моё!
 В первопрестольной – в облике державы
 Опять мой город сам себя обрёл.
 Российский герб – он потому двуглавый,
 Что со столицей, нашею орлицей,
 В союзниках и наш родной Орёл!
 Гляжу, как солнце виснет чечевично
 И дальше западает за крому.

Опять Орёл мой – город приграничный,
Проходит грань по сердцу моему.
Гнездо на «Стрелке». Вечер пламенится.
И клёкот орлий где-то за рекой.
А тут – Орёл, а там у нас – столица.
И много-много неба над Окой.

Действие первое

Сцена первая

Москва, Кремль. Царь Иван IV (Грозный) сидит на троне, в царских палатах. При нём по правую руку митрополит Макарий – духовный блюститель Московской Руси, по левую руку – царица Анастасия – первая жена царя, из рода Захарькиных – Юрьевых. Далее по сторонам свита – военачальник князь Андрей Курский, любимцы царя Алексей Басманов и князь Вяземский, воевода Алексей Адашев.

В распахнутое окно с Красной площади слышится музыка, разрозненные голоса постепенно сливаются в песне. Царь вслушивается в пение.

Царь Иван IV (митрополиту Макарию). В храме, что ли, поют? В Василии Блаженном?

Митрополит Макарий. Да нет, это далеко где-то. В Орле поют, а сюда долетает.

Песня об Орле

Орёл, Орёл мой! В этом слове
Ласкает душу мне и слух –
Боянный в речевой основе –
Наш русский гений, русский дух.
Из глубины, в дожди и грозы,
Неся родную нашу речь,
Мы – соль земли, мы – сок берёзы,
Нам заповедное беречь.
Припев: Всё тут моё, всё тут мне дорого.
А воздух, кажется, такой,
Что чуть взмахни и ты над городом,
Летишь, как птица, над Окой.

Царь Иван IV (проникаясь смыслом услышанного). Вроде наши, русские слова, а не разобрать, не проникнуть в их смысл.

Митрополит Макарий. Греки говорят, это «машина времени». Так будут петь в предстоящие времена.

Царь Иван IV. При Иване VII будут петь? Про Орёл какой-то, про новый город?... Эй, князь! (Андрею Курбскому). Что за город у нас Орёл?

Князь Андрей Курбский (приблизившись к царю). Как какой город? Да на Оке-реке. Ты же, Иван Васильевич, сам приказал его основать на южной кроме Московского государства. Защищать Московию от крымчаков. Надоели со своими набегами. Каждый год набегают, а то за лето и дважды. Разоряют наши города, грабят людей, уводят в рабство. Дворцы им там, в Крыму, строй, дороги налаживай.

Царь Иван IV (грозя Курбскому пальцем). Про Орёл-то? Как это царь про Орёл не помнит? На то и царь, чтобы помнить о каждой щепке в своем-то царстве. Царь каждому человеку отец.

Митрополит Макарий (склоняя голову перед царём). Помазанник Божий, царская власть – Божья власть.

Резко входит Малюта Скуратов – лидер опричнины. Стоит молча.

Царь Иван IV. Чем смущён, недоволен? Эти – воевода Адашев и монах Сильвестр – народ смущают? А чего их тут нет? (Страже). Позвать сюда, пускай доложат царю, чего там у них, в ихней оппозиции? Загнивать, что ли, стала эта их оппозиция? Супротив самого царя идут? Так башку с плеч долой, чтобы не болтали.

Малюта Скуратов (переминаясь с ноги на ногу). Да нет, Иван Васильевич, царь-батюшка. Не в оппозиции дело. Не во внутреннем органе, а, скорее, во внешнем. Всё опричники говорят о басурмане. Прискакал человек из новой крепости, из Орла, там крымчаки, говорят, налетели, порубили половину стрельцов, всю Стрелецкую слободу на кроме начисто вырезали, до одного...

Царь Иван IV (грозно поднимаясь с трона). Как это начисто? Послать новое войско! Да числом поболее, втрое, даже вчетверо. Пускай крепость стоит. Чтобы сквозь неё ни один супостат не прошёл, чтобы муха не пролетела... Эй, Курбский! (Подзывая князя). Собери новую рать, подумай, кого воеводой поставить. Орёл все же. Негоже царевы реликвии принижать. Видите герб с орлом над моей

головой, а в руке у меня булава, держава...От великих князей мне досталась...

Что там, Малюта, твои лазутчики доносят? Позови-ка сюда кого-нибудь.

Вводят слугу Симеона в лисьей шапке – двойного лазутчика, из русских и крымчаков.

Малюта Скуратов (в шею Симеону). Что там в Орле про царя говорят?

Слуга Симеон (стаскивая с себя шапку перед царем). Дык это, разведчика хана Гирея поймали - Одноглазого воина, из генуэзцев. Сведения собирал.

Царь Иван IV (приподнявшись с трона и стукнув посохом оземь). Ну давай сюда мне генуэзца! Пред мои ясны очи! Пущай выскажет нам свои соображения (поведя взором по свите справа и слева). Что там ещё замышляют про нас крымчаки? И когда это кончится – набегать на Московскую Русь?

Воевода Алексей Адашев. А как укрепим Орёл, населим военным и мирным народом, так и кончится.

Князь Андрей Курбский (Адашеву). Вот тебя туда на кромку и пошлём!

Царь Иван IV (грозно посохом по спине Адашева). Быть посему!

Воевода Адашев становится в свите на сторону царицы Анастасии. Улучив минутку, приближается к ней, шепчет что-то царице оглядчиво.

Воевода Алексей Адашев. Завтра буду на Арбатской слободе, приходи, может, в последний раз видимся.

Сцена вторая.

Орёл, «Стрелка» на слиянии рек Оки и Орлика. Дуб могучий, на дубе орёл. Сюда протопала стрелецкая рать во главе с воеводой Алексеем Адашевым. Ратники валяются на траву, отдыхают.

Первый ратник. Попить бы водицы, в реке зачерпнуть.

Второй ратник. Так сходи, принеси.

Пьют из ковша, крикают от удовольствия.

Оба ратника. Водица-то хороша-а-а!

Мимо проходит мужик.

Первый ратник (мужику). Как река называется?

Мужик. Ока-река.

Второй ратник. Так и называется? Видит око да зуб неймёт.

Мужик. Холодновата. Ключи у берега. Зубы ломит водичка.

Подходит воевода Адашев, вслушивается в разговор.

Воевода Адашев. Про чего это вы тут болтаете? У Малюты Скуратова везде свои глаза и уши.

Слуга Симеон. Да, говорю, сначала надо избу тебе рубить. Тут, у дуба с орлиным гнездом. А потом, опосля, всё другое делать.

Воевода Адашев. Крепость будем рубить. Тут, у слияния рек. А избу мне поставим там (показывая на высокий берег малой реки). На откосе. Чтобы было видать далеко. Как с Дикого поля, из-за Оки, скачут сюда на нас крымчаки-басурмане. Высота зоркость даёт...

Голос со стороны. И застучали топоры, зазвенели пилы. Тут, на слиянии рек Оки и Орлика, и подалее туда на откосе, над Орликом. К исходу лета появились стены крепости, а в стене - бойницы для стрельцов и пушкарей, для пушкарей и стрельцов.

Стрельцы. Мы – первые, нас надо первыми называть, от нас зависит состояние обороны. И помещения строить сначала для нас.

Пушкари (стрельцам). Нет, мы – первые. Чего там ваши пищали? Пук, пук и – нету. А пушка как ахнет, так половина цепи степняков с коней и слетит, как корова языком слизала.

(Показывая на слугу Симеона). Вот уже побежал к воеводе докладывать.

Подходит воевода Алексей Адашев.

Воевода Алексей Адашев. Чего это вы тут бузите? Анадьсь медовухи напилсь, так и вовсе морды друг другу чистить начали. Дошло до чего, а? Чтобы в нашей дружине такое было.

Слуга Симеон (угодливо). Ещё бы! Конечно, никуда не годится.

Воевода Алексей Адашев. Вот что думаю, пушкари и стрельцы, стрельцы и пушкари. Кто из вас первый, а? Все вы первые. Жить вам вместе нельзя. Врозь теперь жить будете. Вон там, супротив откоса, где моя изба будет, пушкарей поселим. Пушкарной слободой назовём. Под моим неусыпным оком, глазом моим будете. Слыхали, пушкари? А вас, стрельцы, отправим куда подальше, на самую кромку. Стрелецкая слобода будет там, где крома.

Подходят другие стрельцы. Крупными глотками пьют воду из ковша, передают ковш один другому.

Ратники (отфыркиваясь, как кони). Что за чудо чаша-братина! Мировая водица!

Появляется воевода Алексей Адашев.

Алексей Адашев. Расселись на берегу! А ну, подымайтесь-ка! Крепость швыдче рубить будем, чтоб враг не застал нас врасплох. Без крепости – просто голое поле, а за стенами – твёрдо станем на этой земле.

Лазутчик Симеон, он же слуга Алексея Адашева. Первым делом воеводе избу рубить, чтобы бабу свою привёз. Основательно сел на Оке.

Первый ратник. Ну да! Сперва жану чтоб привел, а крепость потом, опосля.

Второй ратник. Нет, сперва надо крепость рубить. А уж за крепостью всякие избы ставить, хоромы. Дорогу на Москву степнякам перекроем, так-то покойнее будет.

Первый ратник. Дюже умный! Симеон знает, что говорить. Построит себе воевода хоромы, перетащит сюда жану из Москвы, пуще будет стараться. Крепость встанет, как на дрожжах.

Стрельцы. Как же мы будем там, а тут в крепости кто? Кто будет стрелять из пищалей?

Воевода Алексей Адашев. Кому стрелять, мы в самой крепости поселим. А туда, подальше к кроме, выставим тех стрельцов, которые будут стоять перед крепостью. Чтобы степь нас не застала врасплох. Поняли, стрельцы-молодцы? Особо почётное место там, за бугром, перед Орликом.

Стрельцы (успокаиваясь). Ну тады, пожалуй, понятно.

Воевода Алексей Адашев. А вы, пушкар, чего поняли?

Пушкар. Что Пушкарная слобода под откосом, а твоя хоромина на откосе. Далеко будет видать воеводе.

Воевода Алексей Адашев. И глубоко. Я уж не раз ходил на откос. Братцы, и какая же с высоты красота открывается! Двор свой поставлю, а за ним и другие ставить начнут. Гнездо получится, Дворянским гнездом назовут опосля. Вот так ещё и о будущем думаю.

Пушкар. И о красоте.

Воевода Алексей Адашев. Само собой, и о красоте. Встанет кто-нибудь на это место потом, опосля, какой-нибудь русич, потомский, глянет отсюда на Русь да и скажет: «Молодец воевода был, исторически мыслил!»

Запыхавшись, появляется слуга Симеон.

Слуга Симеон. Братцы! Сам царь сюда, видать, едет, Иван Васильевич. На возке своём, сам возок разглядел. Издалече виден, весь в кумаче.

В крепости тут же начинается переполох. Кто куда бежит, кто что кричит:

– Это не царь, не царь... Это митрополит Макарий... Едет церковь святить тут у нас в крепости... давать ей название...

Начинают бухать в колокола. Прямо-таки набат летит далеко по окрестности.

Слуга Симеон (воеводе Алексею Адашеву). Да нет, вроде и не царь, да и вроде бы и не Макарий.

Воевода Алексей Адашев. Ты как думаешь?

Слуга Симеон. Кабы не Малюта Скуратов. Этот всё под разными личинами шмыгает по Святой Руси.

Воевода Алексей Адашев. По крепостям не шмыгает. Больше по слободам да по городам.

Слуга Симеон. А у нас при крепости слобода Пушкарная, а там по кроме - Стрелецкая.

Воевода Алексей Адашев (взволнованно). Чует сердце, это первая царица Анастасия. Она иной раз ездит в царёвом возке. По Святой Руси мысли свои развозит. Отставку у Ивана Грозного получила, так и колесит теперь, ездит, разносит добро по Руси.

Слуга Симеон. А вторая царица что, Мария-то?

Воевода Алексей Адашев (держась правой рукой за сердце). Ах ты, Господи, Боже мой! Чует воробушек что-то неладное. Вторая-то Мария? Эта чеченка, что-ли? Эта от царя ни на шаг. Черноту в нём копит, самое что ни на есть зло. Опричнину поощряет. Сколько дворов по Москве в опричнину записала...(Приглядываясь). А ведь точно, царица Анастасия едет в возке.

Слуга Симеон. Ты так думаешь?

Воевода Алексей Адашев. А то как же, кабы царь ехал, всадников перед возком было бы вдвое больше.

Голос со стороны. В крепость по деревянному мосту въезжает царёв возок. Царица Анастасия выходит из возка, аккуратно ступает ножкой в красном сафьяновом сапоге на орловскую землю.

Воевода Алексей Адашев (припадая на колени, целует царицын сапог). Матушка... Матушка... Любимая...

Царица Анастасия. Не ожидал, орёл? Не думал, что Анастасия сюда, к тебе, во владения твои, пожалует?

Прижимается к груди Адашева, целует его прямо в губы.

Воевода Алексей Адашев. А не боишься в губы-то?

Царица Анастасия (раскрасневшись). По-московски. Там все в губы друг друга целуют. А чего, Алексей, бояться-то? У Ивана Васильевича теперь вторая жена – Мария, чеченка. А я из рода Захарькиных-Юрьевых, так я у царя по другим делам, по хозяйственным да богоугодным... Вот, гляди, с кем приехала.

Из возка выходит митрополит Макарий. Припадает к груди воеводы, трижды целует Алексея Адашева – в обе щеки и в лоб.

Митрополит Макарий (Адашеву). Слава тебе, защитник Отечества, всего нашего обширного Московского государства... Наслышаны мы о ваших подвигах. Сколько раз уж врага грудью встречали, к Москве путь преграждали... Приехал вот в Орёл к вам, церковь святить, нарекать её, давать достойное имя.

Колокола на момент затихают, и опять набат набирает силу как бы с небес.

Сцена третья.

Орёл, Пушкарная слобода. Двор пушкаря Никитина. Появляется отец Василий – настоятель храма в крепости, у слияния рек Оки и Орлика.

Отец Василий (входя во двор). Эй, есть тут кто ай нет?

Пушкарь Никитин (в одной руке неся ведёрко с картошкой, в другой – решето с яблоками). Да, есть, а как же. Тута мы, где же ещё?

Отец Василий. Митрополит Макарий приехал, службу будет вести сегодня, святить церковь нашу, давать ей имя святое.

Пушкарь Никитин. Знаю, знаю. Конечно, приду.

Отец Василий. Ты у нас церковный староста, за всю слободу отвечаешь. Так что не только сам приходи, но и всех тут оповести, всю слободу, всех, пусть придут на Божественную литургию. Не только из пушки в белый свет палить, как в копеечку, а и к Богу почаще надобно обращаться.

Пушкарь Никитин (обидчиво). Как это палим в белый свет, как в копеечку? Учимся стрелять, да попадать не в бровь, а в глаз. Знай наших.

Отец Василий. Уж и обиделся, да? Обежи слободу, приведи пушкарей на вечернюю молитву. Не кто-нибудь – сам митрополит Макарий служить будет. Может, в первый и последний раз он тут у нас. Уже старенький, на ладан дышит.

Пушкарь Никитин (передавая отцу Василию ведро с картошкой и решето с яблоками). На, бери. Со своо огорода и сада. Может, яичек принести?

Отец Василий (принимая дары). Да нет, яичек не надо. Яйца у нас есть.

Пушкарь Никитин. Ну так к вечеру будут пушкари, да и мы всем семейством.

Отец Василий. А где твоя жена? Василиса где? А дочка? Кажется, Анюта?

Пушкарь Никитин (кричит туда, в огород). Васи-ли-са-а-а! Иди сюды. Отец Василий кличет.

Пауза. Тишина. Только ветер шумит листьями сада.

Пушкарь Никитин. Вот дьяволица! Не отвечает... Васи-ли-са-а, ты чего не идёшь?... (Отцу Василию) Как тревога какая, басурмане с Дикого поля скачут, так первая в крепость летямя летит. Аню, боится, схватят, только её и видали... Васи-ли-са-а-а!

Появляется Василиса – дородная такая, крепкая русская женщина.

Василиса Никитишна. Чего тебя черти дерут? (Увидев отца Василия). Ой, это вы, батюшка? Добро пожаловать... Вот, возьмите, отец Василий (Подает ему связку лука). Видите какой? Лук у нас лучше всех.

Пушкарь Никитин. Да, жана у меня молодчина. С огорода не вылезает. Всё у неё растёт лучше всех: и картошка, и огурцы.

Василиса Никитишна. И он у меня (поглядывая на своего Никитина) тоже молодец. Метче всех из пушки стреляет. И по бабам был ходок, да вот староват мужик стал, отстрелялся...

Отец Василий. Приходите на вечернюю службу.

Василиса Никитишна. Ну, а как же. Всем кагалом, всем семейством.

Отец Василий. А Анюта – дочка ваша – где? Что-то не вижу.

Василиса Никитишна. Отца вот спросите, куда это он дочку свою спровадил? За грибами послал в ближайший лесок. Грибы появились, отец наш грибочки любит. Ну и послал её за грибами.

Отец Василий. Одну?

Василиса Никитишна. Она у нас смелая.

Отец Василий. Да не в этом дело. Она у вас уж невеста. Мало ль чего? Степь рядом.

Отец Василий уходит. Пауза. Через какое-то время принимается звонить колокол.

Василиса Никитишна. Ну что, собираемся? Аняты что-то нет.

Пушкарь Никитин. Услышит колокол, явится. Не будем опаздывать, надо идти. Анята дорогу до храма знает, сама придёт.

Василиса Никитична (обеспокоясь). Да нет, ты иди, отец, а я подожду.

Пушкарь Никитин уходит, пушкариха остаётся одна. Появляется воеводин слуга Симеон.

Слуга Симеон (робковато как-то, неловко подходит к Василисе). Мать, а мать, и сказать-то боюсь, что люди сказали.

Василиса Никитишна (расстроившись). Чего тебе, говори.

Слуга Симеон. Дозорный с кромы прискакал. Говорит, видели басурмана из Дикой степи. Мол, девка у него через седло перекинута. Косы вон куда – до самой травы. Это ж косы такие только у неё, у Аняты. Более ни у кого из всей Пушкарной слободы...

Василиса Никитишна (так и присев). Ой! Господи! (Слуге Симеону). Выведи меня за двор, я сейчас...

Выбегает из избы, накинув на голову платок. В отдалении затихает топот коня. Слуга Симеон, присев на камень, ждёт хозяина двора – пушкаря Никитина.

Слуга Симеон (сам себе). Хороша девка! Вон откуда разглядели её, аж из Крыма. Выследили, нашли момент и схватили. С давних времён и по сю пору крымчаки возят за море к себе туда наших красавиц и продают как рабынь. А хороша девка! Давно глаз на неё положил, на Аняту. Да пушкарь ни за что за меня не отдаст. Василиса вроде не против, а Никитину москвича подавай, какого-нибудь ратоборца, голубых кровей, из князей...

Сейчас из церкви Никитин явится. Тут же скажу ему, огорошу. А может, и не скажу, погодить надо. Может, это и не Аняту схватил степняк? Может, Василиса сама привезёт Аняту, настигнет степняка, отымет дочь, примчит обратно сюда на коне.

Ночь надвигается. Волки завывали где-то. А Василисы всё нет. Появляется пушкарь Никитин.

Пушкарь Никитин (метнув взгляд по двору, весь в тревоге, подходит к слуге Симеону). Один?

Слуга Симеон. Как видишь.

Пушкарь Никитин. А где же мои? Василиса, Анюта?

Слуга Симеон. Как где? В степи.

Пушкарь Никитин. А ты чего?

Слуга Симеон. Тебя жду.

Пушкарь Никитин. И что будем делать?

Слуга Симеон. Дальний путь предстоит, пойду собираться.

Пушкарь Никитин. Куда?

Слуга Симеон. В Крым. Там искать надо, на невольничьем рынке.

Пушкарь Никитин (косясь на Симеона). Ты что – её любишь?

Слуга Симеон. Поеду искать. Сердце вещует, к ней приведёт.

Пушкарь Никитин. А коня где возьмёшь? У тебя ж нет коня.

Слуга Симеон. Украду.

Пушкарь Никитин. Поймают – убьют...Погоди, я сейчас.

Уходит за двор. Пауза. Слуга Симеон сидит, обхватив голову руками. Пушкарь выводит коня.

Пушкарь Никитин. Вот тебе, воробей мой. Скачи, догоняй.

Действие второе

Москва. Кремль. Царь Иван IV в тронном зале. Свита при нём по левую и правую руку. Царь явно обеспокоен, обеспокоены все.

Сцена первая.

Царь Иван IV (подзывая к себе военачальника, князя Андрея Курбского). Что слышать об Орле? Говорят, крымчаки снова зашевелились. Тучи ходят по южной кромке Московской Руси. Нам Орёл дорог как крепость. Крепость эта держит грань. Какие вести от воеводы Адашева?

Князь Андрей Курбский. Не хотел тебя, царь, огорчать, но вести неважные. С Крыма тучи движутся, надо Адашеву посылать подкрепление.

Царь Иван IV. Ну так собирай рать, посылай. Без Орла нам нельзя. Сколько раз до меня жгли Москву? И всё с юга, от Дикой степи.

Князь Андрей Курбский. Да нет, царь, не только с юга, но и с востока – орда, с запада – ливонцы, поляки и немцы.

Царь Иван IV. С этими гостями мы разобрались. Ещё до меня не зря тут на троне сидели. С Крымом теперь надобно разобраться. А пока новое войско надо туда, в Орёл, собирать. Куй железо, пока горячо. Пушки лить, мечи точить. Гляди у меня, шевелись.

Князь Андрей Курбский (в сторону). Да гляжу, гляжу! Надоело глядеть. Башкой своей за всё отвечать.

Царь Иван IV (подзывает Малюту Скуратова). Интересно, а что там, в самом Крыму, внутри его, делается? Где лазутчик Симеон? Послать его туда, пусть разведает.

Малюта Скуратов. Он теперь не твой, Иван Васильевич.

Царь Иван IV (хмуря брови). Как не мой. А чей же?

Малюта Скуратов. Он слуга теперь у Адашева. Сам же туда его послал. Состоять при Адашеве, при оппозиции.

Царь Иван IV. Ну так другого какого-нибудь подыщи. Что у вас в опричнине нету, что ли, людей? Бабы русские рожать перестали?

Малюта Скуратов. Бабы русские рожать-то не перестали, да лазутчики относятся больше к внешним сношениям, к Крыму, а мы-то, опричнина, больше внутренние войска.

Царь Иван IV. Так возьмите себе и внешние сношения. Царь сказал, царя слушать надо. А не как Курбский – вон стоит, слушает только себя. Только и думает, как бы это ему к кому-нибудь переметнуться. Крым далеко, в Польшу, что ли, наострился, эта поближе.

Голос со стороны. Князь Андрей Курбский, услышав последние слова царя, расстраивается, однако не подаёт вида, что услышал слова царя-самодержца.

Царь Иван IV (Малюте Скуратову на Андрея Курбского). Ишь, столбом стоит. Вроде не слышит, делает вид, что к нему это не относится.

Князь Андрей Курбский (вслух). Что ты сказал, Иван Васильевич? В Польшу лазутчиком хочешь меня послать? Или ещё куда подальше?

Царь Иван IV. Куда подальше. Только бы не держать при себе. После взятия Казани ты, Курбский, совсем распустился. Вроде один Казань брал, а я был так, при тебе, хоть и царь.

Князь Андрей Курбский. Этого я вам не говорил, Иван Васильевич. Это вы такой подозрительный сами. Много людей погубили этой своей подозрительностью, вот и подозреваете каждого.

Царь Иван IV. На «вы» звать стал меня, а? А ведь вместе росли, годки мы. И ты не простой, тоже ведь княжеских кровей.

Князь Андрей Курбский. Да, княжеских, но ведь не царских же.

Царь Иван IV. Ах, княжеских тебе маловато, царскую тебе подавай. А ты знаешь, сколько на неё сил надо? На царя, на царскую рать рот не разевать. Один Крым царю чего стоит. Да взять хотя бы этот Орёл. Там из пушки по птичке бухнут, а тут, в Москве, слышать...

Князь Андрей Курбский (как можно тише). В одно ухо влетело, в другое вылетело.

Царь Иван IV. В одно влетело, а в другое не вылетело. А что будет как вылетит?

Князь Андрей Курбский. Ничего не будет, царь. Не бойся, на трон твой никто покамест не покушается. Дюже тяжкое это дело. Когда вокруг тебя то ордынцы, то крымчаки, то внутренняя оппозиция. Противно на это глядеть.

Царь Иван IV(усмехнувшись). Не тяжкое даже, а тонкое дело. Кому как. Иному на троне очень даже хочется посидеть в царском обличии (обращаясь к замершей в мертвой тишине свите).

Всех отпускаю, все уходите. Один Малюта Скуратов пушай останется.

Подходят с Малютой к окну. Смотрят на Красную площадь.

Царь Иван IV. Видал? Лобное место. Что-то маловато кому на нём, вижу, в последнее время голову-то секли. Видишь, проехал всадник по площади. Опричник. Ну да, конечно, к седлу приторочены собачья голова и метла. Чтобы все вынюхивать и выметать. А не вынюхивают, а не выметают. Сколько всякой дряни вокруг развелось.

Пойди скажи, чтобы у этого опричника спросили, сколько за этот год чего вынюхал и чего вымел? Он лично, а не вся твоя, Малюта, опричная братия.

Малюта Скуратов уходит. Царь сидит в задумчивости, смотрит туда же, в окно, на Красную площадь. Подзывает стражника.

Царь Иван IV (стражнику). Ну-ка поди, позови любимцев моих – Алексея Басманова и князя Вяземского.

Входят сразу вдвоём – Алексей Басманов и князь Вяземский.

Царь Иван IV. Знаете вы, что оба вы любимцы мои?

Алексей Басманов. Откровенно говоря, не дай Бог.

Царь Иван IV (князю Вяземскому). А ты?

Князь Вяземский. Не дай Бог.

Царь Иван IV (подозрительно). Вы что сговорились, что ли, не по-разному отвечать?

Алексей Басманов. По-двое ходим, вот и стали друг на друга похожи и не похожи.

Князь Вяземский. Сегодня ты любимчик у царя, а завтра тебе башку снесут.

Царь Иван IV (усаживаясь на троне поплотнее, покрепче). С вас головы не снесут. Опричники к вам не придут. Вот вы мне близкие люди. Так дайте мне добрый совет: держать мне крепость в Орле или не держать? А то, может, в Курск переместить, южнее? Или в Тулу, поближе к Москве?

Алексей Басманов. Держать.

Царь Иван IV. Почему?

Князь Вяземский. Золотая середина. Серединная Русь. Недаром царь-птица там с дуба слетела и на гербе у нас сидит. Крепости на Оке-реке быть.

Царь Иван IV (стражнику). И за что я люблю этих своих молодцов, так это за то, что у них красный нос.

Князь Вяземский. Один на двоих?

Входит Малюта Скуратов.

Царь Иван IV. Ну как, спросил у опричника, сколько он вынюхал, вымел в последнее время?

Малюта Скуратов. Никого.

Царь Иван IV (грозно). На Лобное место его самого, под топор! Площадь Красной пущай не зря называется.(Отходя потихоньку). Ладно, пущай ещё поживет.

Сцена вторая.

Орёл, крепость на «Стрелке», у слияния реки Оки и Орлика.

Голос со стороны. Воевода Алексей Адашев встречает стрельцов, прибывших сюда на поселение.

Воевода Алексей Адашев. Что там у вас за спиной – сумари? А что в сумарях – барахло? Положить сумари прямо перед собой на травку. Смотрим слева направо, по одному... Показывай, стрелец, что там у тебя? Репа? Это хорошо. Это как лук, что носили в ранцах римские легионеры. С луком покорили полмира... И у тебя, братец, репа? И у тебя? .. А у тебя что? Рыба вяленая. Ну да, ты с севера, ты

помор... А у тебя? Ого, романовский полушубок! Ах ты, романовский мой, костромской...

Все, ребята, сдать на кухню, в общий котел. Полушубок романовский подарите вот ему – пушкарю Никитину. Видите, стоит, пригорюнившись? У него дочь крымчаки увели. Ободрить человека надо. Скоро Дикая степь вовсе обнаглеет, попрут на нас сюда полчища. Силы будут нужны нам, крепкий дух и сплочённость.

Вот вы, пятеро, у кого репа в сумарях, отправляйтесь-ка на подворье к Никитину. Вы – крестьяне, и он из простых. Там у него на земле и найдёте меж собой общий язык, особо с женой его Василисой Никитишной – во саду ли, в огороде. Она баба ловкая, справная, будете у неё там напоены и накормлены. Мне за вас беспокоиться нечего... Предупреждаю: лодырей Василиса терпеть не может. Чуть что, как пробки от неё повывлетаете.

Подворье пушкаря Никитина. Пятеро вновь прибывших стрельцов предстают перед Василисой Никитишной.

Старший стрелец. Воевода прислал. Работать, не покладая рук, до седьмого пота.

Василиса Никитишна (усмехнувшись, с горечью в голосе). Видите под деревом стол? Летом мы тут обедаем. Садитесь с нами.

Старший стрелец (вытаскивая ложку из-за голенища). У нас ложки завсегда при себе. Своими будем хлебать.

Василиса Никитишна (разливая горячее варево по мискам). Вы откуда, ребята?

Стрельцы. А кто откуда. Русичи мы: костромские, тверские, вологодские...

Василиса Никитишна. Хлеба у вас там растут?

Стрельцы. Хлеба? Конечно. Но более трава, коровы у нас, овцы романовские.

Василиса Никитишна. С землёй ладите. Есть, значит, кому подмогнуть. А то, как дочка пропала, мочи нет, сил вовсе лишилась. Я-то ещё ничего, по двору хлопочу, а мужик мой ещё и пушкарь. Ему, если что, и сражаться надо, отражать нападение степняков.

Появляется Никитин. Садится в сторонке, смотрит, как едят молодые ребята, стрельцы.

Пушкарь Никитин. Съестные. Хорошо едите, хорошо работать будете. И сражаться будете хорошо на поле брани. Бок о бок со мной. Защищать будем крепость Орёл. Скоро пойдут басурмане, кровушка скоро польётся...

Вдалеке где-то возникает и летит, долетает сюда русская песня. Протяжные девичьи голоса берут за душу, не отпускают.

Липа вековая
Над рекой шумит,
Песня удалая
Вдалеке звенит.
Луг покрыт туманом,
Словно серебром.
Слышен за курганом
Звон сторожевой.
Этот звон унылый
Давно прошлых дней
Пробудил, что было
В памяти моей.
Вот всё миновало,
Я уж под венцом.
Молодца сковали
Золотым кольцом.
Липа вековая
Над рекой шумит,
Песня удалая
Вдалеке звенит.

Сидят стрельцы за столом Никитиных в оцепенении, и чувствует каждый себя то самим собой, то Бояном древним, то снова самим собой. И всё, о чём поют девичьи голоса за рекой Окой, оборачивается в душе трудно осязаемой плотью, взвилось сердце и затрепетало.

Голос со стороны. О, русская земля! О тебе наши думы и белым днём, и в ночи, за тебя сражаемся, трудимся, болеем душой и живём. Костями своими стелем себя из веков в века. Смерть несут степняки на кончиках копий, стрелы целят в нас, в самое сердце. И корчатся в междоусобице русские княжества, хлыщут сабли кривые по серебру

Дона, и вот-вот разлетится – развеется и исчезнет народ на бессмертном лице степи. Но держат его, не дает нам пропасть кем-то сказанное впервые это пропетое девичьими голосами где-то за рекой: « О, Русская земля!» И стоят тут у нас русичи, сдруженные в дружины, а за дружинами стоит, упирается, выкрепает и здравится мать наша, мать, коренная Московия, матушка Русь.

А ну глянь, Боян, в наши судьбы: что там скрыто за тучами туч? Воспой, Боян, возговори, положи в душу каждую каждый день нами прожитой жизни.

Пушкарь Никитин (прослезясь, стрельцам). Слышите, братцы, сыновья мои, воины? Как звучат, гонят кровушку горячую, жаркую в пламень - полымя эти грустные девичьи голоса.

Липа вековая
Над рекой шумит,
Песня удалая
Вдалеке звенит.

Откуда-то из погреба несёт сюда, стрельцам, Василиса Никитишна медовуху, солёные огурцы и грибочки.

Василиса Никитишна (наливая в деревянные кубки). Пейте, родимые, пейте, защитники Отечества, воины... Тут в низочке, по Орлику, – огороды наши пушкарные, а там на откосе, насупротив – дворы, усадьбы дворянские. Малюта Скуратов туда всё чаще наведывается. Разнюхал это местечко, да и метёт, выметает метлой...

Пушкарь Никитин. Помолчи, мать, поддержи язык за зубами. Так-то лучше, спокойнее. Медовухи побольше пей да поменьше болтай.

Стрельцы (смеясь). Побольше пороху нюхай.

Василиса Никитишна. Анюта наша пропала. Говорят, крымчаки увели, басурмане... Выручайте, ребята!

Появляется слуга Симеон.

Василиса Никитишна (проводя его к столу подсаживается к стрельцам). На всех всего хватит.

Кто-то запекает всё ту же «Липу вековую», кто-то про тонкую рябину. Но возникает и сама собой окрепает, сливаясь словно с одного голоса, эта песня.

Голос со стороны. О, Русская земля! (Слова и музыка Леонарда Золотарёва)

В небе, в небе – широкие крылья!
В синем, в синем – глаза-угли!
Я – орёл, птица-царь – орлы мы
Над серединой Русской земли.
О, Русская земля!
Ты уже за холмом.
Пяди, мать, не жалеешь сама.
Низко летим, нету мочи,
Стали дороги короче.
А ведь до Крыма вели, уводили.
А ведь за Крымом была крома.
Но с пятак уже мы, как и были
Над пятаком и грома, грома,
О, Русская земля! Ты уже до холма.
Пяди, мать, не жалеешь сама.
Низко летим, нету мочи,
Стали дороги короче.
Взвейся! Чтоб в небе Орла удержало.
Взьярся! Чтоб Солнце орлят нарожало.
Чтобы нас Боги несли и несли
Над просторами Русской земли.

Сцена третья.

Орёл, крепость на «Стрелке», у слияния рек Оки и Орлика. Воевода Адашев сидит на пне у могучего дуба. Дозорные стрельцы приводят сюда к нему Одноглазого воина, из гемузцев.

Воевода Алексей Адашев (стрельцам). И где чудо такое взяли?

Старший дозорный. Говорит, от самого Крыма в возке ехал.

Воевода Алексей Адашев. От самого Крыма? А чего он в возке ехал? Не хан, не подобен царю.

Стрельцы. Не хан. Но, говорит, и не степняк, а наёмник крымского хана Гирея.

Старший дозорный (поигрывая плетью). Одноглазый. Особый.

Подходит слуга Симеон, наклоняется к Одноглазому.

Слуга Симеон. Да какой же это крымчак? Генуэзец это, я его где-то видел. Скорее всего, на ярмарке в том же Крыму.

Молодой дозорный. Крымчак, хану крымскому служит. А так генуэзец. Говорит, сидит себе в Крыму, там, в генуэзской крепости – в Судаке. Там у них ярмарка. Меня выкрали степняки и возили туда продавать.

Пушкарь Никитин (насторожившись). Продавать? Ну, и что?

Молодой дозорный. А ничего. Бросился со скалы в море. А в море меня казаки запорожские подобрали. На «чайке» были.

Воевода Алексей Адашев. На какой «чайке»?

Молодой дозорный. Это они лодку так называют – под парусом и на веслах. Мчит, как чайка в небе... Запорожцы мне коня дали и отпустили на все четыре стороны. И вот я тут.

Воевода Алексей Адашев (оборачиваясь к Одноглазому генуэзцу). И зачем ты сюда к нам заехал? В возке-то ехал, куда и зачем?

Одноглазый генуэзец. В Москву ехал, московскому царю хотел служить. Был у крымского хана военачальником, ходил с их войском на Золотую орду. Много чего награбили у ордынцев, много чего накуролесили...

Воевода Алексей Адашев. Ну, и что? Тебе-то что-нибудь дали?

Одноглазый генуэзец. Стал военачальником у крымчаков и крымского хана Гирея.

Воевода Алексей Адашев (иронично). Ничего не дали, значит? И что? Ехал в Москву жаловаться на хана Гирея царю нашему Ивану Васильевичу?

Одноглазый генуэзец. Служить ему ехал верой и правдой.

Воевода Алексей Адашев (покачав головой). Какая же это у тебя, правда? А, какая?

Все на «Стрелке» прислушиваются, голоса затихают.

Снова откуда-то доносится песня, девичьи голоса через конское ржанье затухают там, где заходит солнце.

Липа вековая
Над рекой шумит,
Песня удалая
Вдалеке звенит.
Луг покрыт туманом,

Словно серебром.
Слышен за курганом
Звон сторожевой.

Воевода Алексей Адашев (спрыгнув с коня решительно дозорным, приведшим сюда генуэзца). Ладно, ребята! Валите обратно к себе туда, на кромку. Охраняйте её, чтобы ни одна муха не проскочила.

Стрельцы уходят. Пушкарь Никитин приближается к генуэзцу.

Пушкарь Никитин. Эх ты, чудо заморское! Одноглазый ворон. Девку красивую не видал ли там, в Крыму, в Судаке на ярмарке?

Генуэзец (морщась). Видал, видал красивую, русскую. Дорого стоит, а то бы купил.

Пушкарь Никитин (замахиваясь на него саблей). Басурмане, работорговцы проклятые!

Воевода Алексей Адашев (закрывая Одноглазого от Никитина). Ничего, отец. Слуга Симеон отправился туда, к крымчакам. Лазутчик ведь, не раз бывал у них там, на ярмарке, в Судаке. Может, повезёт ему, отыщет Анюту? (Обращаясь к стрельцам, стоящим рядом полукольцом). Как вы думаете, выручит Симеон Анюту – дочку Никитина?

Стрельцы (не очень-то весело). Выручит, должен выручить. Тяжкое дело, но на то он и лазутчик. Знает, как быть в таких переделках.

Голос со стороны. Слышите? Песня за речкой сменяется другой песней. Девичьи голоса возвращаются к прежней песне, грустные голоса стихают, затухают. В небе появляется первая звездочка, стрельцы усаживаются на траве. Один запеваёт, остальные подпевают ему задушевно.

Соловушка

(слова Алексея Кольцова, музыка Леонарда Золотарёва)

Ты не пой, соловей,
Под моим окном,
Улетай в леса
Моей Родины.
Ты скажи, как без неё
Пропадаю я.
Что трава по степи

Перед осенью.
 Без нее ночью мне
 Месяц сумрачен.
 Среди дня без огня
 Ходит солнышко.
 Без неё кто меня
 Примет ласково?
 На чью грудь, молодец,
 Склоню голову?
 Что ж поёшь, соловей,
 Под моим окном?
 Улетай, улетай
 К душе - девице.

Орёл, крепость у слияния рек Оки и Орлика.

Изба в крепости воеводы Алексея Адашева. Воевода один в комнате, через стену сидит Одноглазый генуэзец – наёмник, скорее всего, тоже разведчик крымского хана Гирея.

Генуэзец (стуча в стенку). Почему заперли меня? Я что – в плену? Мне ехать к вашему царю Ивану, а вы меня посадили в клетку.

Воевода Алексей Адашев. Ехал к царю, а попадешь к Малюте Скуратову. Он тебе язык-то прикусит.

Генуэзец. Как это «прикусит»?

Воевода Алексей Адашев. Тогда узнаешь. А то сразу к царю тебе, к Ивану Васильевичу. Сначала в лапах у Малюты побывай, а потом уж и к царю. Где тебе глаз-то выбили?

Генуэзец. Русские выбили, вы – московиты.

Воевода Алексей Адашев. Ишь, как хорошо говоришь по нашему-то, по-русски.

Генуэзец. Так жил же в Москве три года, на Арбатской слободе, рядом с вашим царем. Он тоже тогда там жил, на Арбате.

Воевода Алексей Адашев. Когда это царь наш там жил?

Генуэзец. После Казани. То в Александрове жил, то в Москве на Арбате. Не всё-то в Кремле царь сидел. Хитрый ваш царь, жил по разным местам.

Воевода Алексей Адашев (отворяя дверь). Ладно, иди ко мне. Садись за стол, будем чаёвничать. Чай будем пить с тобой, чай с огурцом... Не понимаешь? С белым вином, чтоб язык тебе развязало. Рассказал бы что-нибудь про хана Гирея. Как ты туда к нему попал.

Генуэзец. Мой отец – генуэзец попал к нему вместе с ханом Мамаем. Ваш великий князь разбил на Куликовом поле золотоордынского хана Мамаю. Там с Мамаем был и мой отец генуэзец, вместе с другими наемниками. Едва ноги унесли от русских. В Крым к хану Гирею попали, в крепость Судак. Там, на высокой скале, отец мой и жил. Я от крымчанки родился...

Воевода Алексей Адашев (наливая ему в стакан). Ладно, сиди, крымский разведчик, кунаком будешь. Про царя нашего ни-ни-ни. Рот на замок, не то Малюта последний глаз тебе выбьет.

Действие третье

Москва. Кремль. Царь Иван IV восседает на троне. Свита от него по правую, левую руку. Вместо царицы Анастасии рядом с ним другая царица – Мария, чеченка.

Сцена первая.

В тронный зал входит первая царица Анастасия, из ненавистного царю рода Захарькиных-Юрьевых.

Царь Иван IV (слегка поднимаясь). Чего тебе, Анастасия?

Царица Анастасия. Да проехаться по Святой Руси собралась, кое-где побывать.

Царь Иван IV (вцепившись ей в очи). Ну и где же?

Царица Анастасия (скромно, потупив очи). По монастырям. Иконы посмотреть. Богородицу с невинным младенцем.

Царь Иван IV. И какую, например, Богородицу, где?

Царица Анастасия. Под Курском, в Коренной пустыне, икону «Знамение». Богородица там, на земле просиявшая. Такие из коренной молитвы слова:

«Велико чтимая,
Владычице моя,
Пресвятая Госпожа,
Всепречистая Дева,
Богородица Мария,
Мать Божия,
Несомненная и

Единственная моя надежда,
 Не гнушайся меня, не отвергай.
 Заступись, попроси, услышь...
 Господи, помоги, прости, прости,
 Пречистая».

Царь Иван IV (едва шелохнувшись). О чём просишь, Анастасья?

Царица Анастасия. В Коренную съездить хочу, отпусти, милосердный.

Царь Иван IV (переглянувшись с царицей Марией). Что ж, езжай. Отмоли там грехи, коли новых не наберёшь.

Анастасия уходит, растворяясь в пространстве Грановитой палаты.

Царь Иван IV (наклоняясь к любимцам своим, стоящим от него по правую руку, Алексею Басманову и князю Вяземскому, шёпотом, чтобы свита не слышала). Она думает, что я не знаю про её грешные помыслы. Про всякие её нехорошие, даже смутные чувства. Пусть так думает... Эй, Малюта! Проследи за ней. Но не очень-то, без последствий... (Подзывает к себе князя Вяземского). Князь! Ты у нас родовит, плодовит, всё знаешь, родословные всех князей и дворян столбовых. Скажи, княже, отчего пустынь эта называется Коренной?

Князь Вяземский. Очень просто. Курск – город древний, старше Москвы. Об этом в летописях, ещё в «Слове о полку», сказано. Сколько раз степняки по церквам налетали, сколько раз сжигали супостаты иконы. Так было и с этим монастырем, что в двадцати пяти верстах от Курска. И вот дошла до монахов монастыря весть, снова прут на них степняки, завтра с огнём и мечом тут будут. Стали они прятать добро впопыхах, где придётся. А особо ценную икону «Знамение Пресвятой Богородицы» особо спрятали – под кручей, в корнях могучего вяза. Перебили степняки всех, кто прятал икону. И забыли бы люди про икону ту... уже забывали... Да Господь Бог не дал позабыть. Надоумил покопаться в земле под вязом, а она, родимая, там, вся корягами переплетена. Вот и стали называть икону «Знамение» Коренной, монастырь Коренным – Коренной пустыней, Серединную Русь – нашей русской, коренной Русью... Вот так, царь-батюшка.

Царь Иван IV (похлопав его по плечу). И за что я люблю тебя, княже, с Алексеем Басмановым, так это за благодать, какую вы

вливаете в мою смятенную душу. Вы слово такое знаете – наше, русское, коренное. Спаси вас, Бог... (Сверкнув глазами, все же царь – самодержец). Ступайте домой, ступайте все, кто тут, в тронном зале. И мы пойдём к себе в опочивальню. До завтра! Завтра с утра Малюта Скуратов про опричнину будет сказывать. Как она крепит нашу царскую власть, сколько голов он съёл (уже почти кричит), сколько ещё снесёт, у греховодников всяких, косо глядящих на наш царский трон, на все наши усилия по укреплению наших границ, супротив всякой службы в удельных княжествах и стольного их города.(Бьет посохом оземь перед собой, топает о пол ногами).

Свита поспешно покидает тронный зал. Князь Вяземский, косясь на царя, наклоняется к уху Алексея Басманова.

Князь Вяземский (шёпотом). Гляди-ка на него, спятил, что ли, наш царь?

Алексей Басманов (так же шёпотом). Бабы до чего довели.

Князь Вяземский. Дела государственные.

Алексей Басманов (толкая Вяземского в бок). Глянь, князь, в окно. На Красную площадь, на Лобное место. Палач в красной рубахе. Кровь с топора бежит, палач топорищем играет. Малюта Скуратов рядом. Завтра Ивану Васильевичу докладывать будет.

Князь Вяземский. Докладать.

Алексей Басманов. Докладывать! До чего докладывать? До какой черты, высоты? Из голов-то ссечённых? За чубы берут и швыряют... Пойдём-ка до Москвы-реки, по кремлёвскому берегу-то вдоль прогуляемся. Ветерком обдует, может, легче станет.

Алексей Басманов (отдуваясь). Легче не станет. Дело такое, долго ещё скорбеть будет перед глазами.

Останавливается перед ними возок. Выходит митрополит Макарий. Князь Вяземский и Алексей Басманов падают перед ним.

Алексей Басманов. Святейший! Погляди хоть, что делается на Лобном месте. Топор ходит по головам. Каждый день, каждый день.

Митрополит Макарий (обеспокоясь). Идёмте! В храм Василия Блаженного, Господу Богу помолимся, поклонимся нашему Иисусу Христу. Может, он остановит кровопролитие. К царю завтра идти, к Ивану Васильевичу. Пора с опричниной-то кончать. Басурмане опять идут на Москву, подступают... Отец Василий – священник Богоявленского храма сообщает, что Орёл Дикая степь окружает.

Несметное войско... Воеводе не справиться, требуется подмога... А у царя болезни как раз обострение...

Князь Вяземский. К Курбскому идти, к князю Андрею Курбскому, он же у нас воевода из воевод. Ему подчиняется войско.

Алексей Басманов. Надо идти, не терять времени. Курбский пушай и ведёт, покамест царь не здоров. (Митрополиту Макарию) Святейший! Скажи, пушай по Москве бьют в колокола. Во все колокола, во все сорок сороков. Пушай подымается народ православный...

Князь Вяземский. Из Калуги стрельцы уже выступают, ближе к Орлу нет ничего.

Сцена вторая.

Орёл, крепость на «Стрелке», у слияния рек Оки и Орлика.

Колокола Богоявленского храма бьют в набат.

Воевода Алексей Адашев. Чего это, отец Василий, народ пугаешь? Степняки ж прошли мимо, не на Москву, а на запад, в сторону Литвы или Польши.

Пушкарь Никитин. Может, вернуться? Хитрость такая у них, военная.

Воевода Алексей Адашев. Дозорные сидят у степняков на хвосте, идут следом. Порох надо держать сухим, пушки расчехлёнными.

Пушкарь Никитин. А стрельцам пить поменьше. Вчера у них была пьянка по случаю дня рождения.

Воевода Алексей Адашев. Врут дружки твои, пушкари. Кто тебе это сказал? Про стрельцов-то. Сам вчера их гонял туда-сюда, в верхний город из нижнего, в нижний город из верхнего. От Пушкарной слободы сюда, до «Стрелки». Ничего такого не заметил. Сам-то где был вчера?

Пушкарь Никитин. Во Мценск ездил, на мельницу. Зерно молоть. Да лошадь правую ногу засекла. Домой приехал уж ночью.

В крепость влетает конный стрелец. Спешивается, преклоняет колено перед воеводой.

Конный стрелец. Опять царский возок едет сюда к нам, в Орёл! Теперь уж точно сам царь Иван.

Воевода Алексей Адашев. У нас всё в порядке. Орёл сидит на гнезде, и Ока течёт в Волгу, пушкари да стрельцы всегда наготове. Никакой оппозиции.

В ворота въезжает царский возок.

Царица Анастасия (выходя из возка, обнимает Адашева, целует его прямо в губы). К тебе, мой орёл, приехала. Покинула первопрестольную.

Воевода Алексей Адашев. А как же царь?

Царица Анастасия. У царя новая забава – другая царица, Мария –чеченка. Она ему на ночь сказки рассказывает. У меня свои сказки. Сегодня буду тебе рассказывать...

Воевода Алексей Адашев. А царю что сказала, когда уезжала, какую сказку?

Царица Анастасия. В Коренную пустынь поехала. На икону «Знамение» поглядеть.

Воевода Алексей Адашев. Ну, и что ему скажешь потом, опосля?

Царица Анастасия. С недельку тут, у тебя, поживу, с недельку там, в Коренной. Принимай меня, свою любушку, Алексей. От страха-то не костеней, улыбайся. Ты же у нас воевода, на главный рубеж поставлен.

Воевода Алексей Адашев (улыбаясь). А я и не боюсь, ничего не боюсь... Любовь моя,...(Обнимая Анастасию и целуя её в губы). Проедусь, посты проверю, дозоры на кроме посмотрю, в общем, справлю свою военную службу и к тебе сюда вечерком.

Царица Анастасия (кокетливо). К вечерочку на всю ночьку.

Воевода Алексей Адашев. Это как нам супостаты позволят. Намедни дозорных вырезали под Кромами, на передовом рубеже. А как дозорных снимут, так и к крепости дорога открыта, иди на Москву, путь свободен. Пушкарную надо беречь - слободу, население. Нам, ратоборцам, это дело такое доверено.

Царица Анастасия (улыбаясь одними глазами Адашеву). Какой серьёзный, строгий какой воевода, военачальник. Тебе бы царем быть, с державой в руке сидеть, в Кремле, в Грановитой палате.

Воевода Алексей Адашев. Родословная не та. Не Рюриковичи мы, не царских кровей. Да ведь и мы, Адашевы, ничего себе, столбовые дворяне... Ну я поехал по постам и дозорам, а ты тут распорядись, чтобы стол собрали получше. Царица пожаловала – настоящая, царских кровей. Поживёшь недельку, лучшие места на Орле тебе покажу: где Ока берет начало, где Полесье Орловское, на охоту съездим с борзыми. У меня добрая псарня.

Царица Анастасия (приласкиваясь к Адашеву). Воевода из воевод. Чем не царь, но не самодержец, власть в кулаке не держишь.

Воевода Алексей Адашев. Власть-то, Настя, в кулаке не удержишь, как песок, сквозь пальцы просыплется. Тут же со всех сторон нагрянут и крымчаки, и ливонцы, и немцы, и ордынцы. Всякая пакость, как бельмо в глазу, сидишь вроде бы тихо, а как ослабеешь, так все на тебя навалятся.

Голос со стороны. Царица Анастасия отправилась туда, где пушкарям и стрельцам пищу обычно готовят. Прошлась по всем строениям крепости, поставила свечи в Богоявленском храме, помолилась крестителям Руси, причисленным к лику святых – Великой княгине Ольге и Великому князю Владимиру. А воевода Алексей Адашев выбрал коня порезвее да и помчался по южной кромке Московского государства по постам и дозорам, проверяя бдительность и боевую готовность на случай пакости, какую готово нам всегда затеять Дикое поле.

И вот Адашев опять в крепости, у могучего дуба, на каком свил гнездо себе рыжий степной Орёл. Зорко глядит он со своей высоты на окрестности – на Орлею. Конный воевода въезжает в ворота, Настасья встречает Алексея у самых ворот.

Царица Анастасия (беря коня за поводья). Чего это так быстро вернулся, Алёша? Всё ли ладно у нас на границе?

Воевода Алексей Адашев. Всё ладно, всё складно пока. А быстро – так конь какой, видишь? Горячий, не конь, а пуля, стрела.

Царица Анастасия. И сам-то больно горяч, Алексей. Богатырь на своём вороном! Какой красавец твой конь.

Воевода Алексей Адашев. Пойдём, красоту какую тебе покажу. Когда плохо мне, что-нибудь не получается, иду туда на откос, в верхний город. Пойдём, Настюша!

Приходят к откосу на реке Орлике. Глядят с высоты на красоту земную, которая открывается тут перед глазами. Извив Орлика, отблески воды, заходящее солнце, что красит облака, а облака красят воду, листву на деревьях.

Воевода Алексей Адашев. Вот где на самом краю я и поставил избу, видишь, как она розовеет? И люди потом, когда-нибудь, поставят, срубят, построят себе дома, улицы и будут тут жить. И будет тут жить одна милая женщина, и назовут её Лиза Калитина, а это место – Дворянским гнездом.

Царица Анастасия. И как же радостно тут! Как красиво! И всё это ты защищаешь. Я люблю тебя, ты мой защитник, ты мой воевода, Адашев.

Воевода Алексей Адашев. Ты – царица моя. Стою тут и думаю, у каждого должна быть своя царица, свой дом, своя крепость, своя страна, родина.

Сцена третья.

Орёл, Пушкарная слобода, подворье Никитиных. За столом стрельцы, которых кормит Василиса Никитишна. Обтирая губы, стрельцы встают. Не найдя икону, крестятся на пушкариху.

Стрельцы. Обильно кормишь, хозяйка, и мы благодарны тебе. Все пятеро как одна тут вместе с вами, одна семья.

Уходят. Пауза. Где-то в степи, за рекой, протяжно ржёт жеребёнок.

Василиса Никитишна (в глубокой задумчивости). Семья, а их пятеро. А у нас с пушкарем Никитиным всего была одна дочечка, одна единственная – Анюта, девочка моя.

Губы у Василисы Никитишны начинают кривиться, подрагивать, она готова расплакаться, но сдерживает себя. Принимается мыть посуду. Появляется Никитин.

Василиса Никитишна. Садись, отец, подкрепись, а то, глянь на себя, на кого стал похож, как похудел.

Пушкарь Никитин (ворча себе под нос). Похудеешь тут.

Василиса Никитишна. Конечно, об Анюте всё думаешь. Одна-единственная дочечка и сберечь не сумели. Больше уже не рожу, не смогу.

Пушкарь Никитин. Ускакал этот ... слуга Симеон. Ни звука о нём уж с неделю.

Василиса Никитишна. Ни звука. Как ключ на дно.

Пушкарь Никитин. Но надежда всё-таки есть.

Василиса Никитишна. Есть надежда.

Пушкарь Никитин (поднимаясь решительно). Сам поеду!

Василиса Никитишна. И куда?

Пушкарь Никитин. В Крым! Хоть куда за Анютой.

Василиса Никитишна. Стар уже. А Крым за тысячи верст. Поскачешь на коне, окочуришься. Где-нибудь за бугром закопают.

Пушкарь Никитин. Я двужильный.

Василиса Никитишна (вздыхая). Нет уж, придётся ждать этого Симеона. Путь неблизкий, время терпит. Будем, значит, с тобой терпеть. Ждать! А что остаётся?

Голос со стороны. Проходит ещё неделя. Лето уже на исходе. Иногда в Никитиных начинает где-то притишаться горе, потихоньку куда-то деваться. Как гром среди ясного неба, от воеводы Адашева примчался, что есть духу, конный стрелец и сказал, что слугу Симеона привезли откуда-то чуть живым, а при нём их Анюту. Пушкари Никитины бросились к крепости.

Неделю откачивали молодца – слугу Симеона, ставили его на ноги. Анюта сидела при нём. Еще неделю готовили праздник, какой? Сами понимаете, какой. Позвали во двор к себе всю Пушкарную слободу, весь народ православный при Богоявленском храме. И, конечно, воеводу Алексея Адашева. А как же? Воеводой таким можно гордиться.

Пушкарь Никитин устали столами весь двор. А главный свой стол, за каким все обедали во дворе, водрузил посередке.

Это для Анюты и Симеона.

С утра приезжал к Никитиным воевода Алексей Адашев.

Воевода Алексей Адашев. Ну и что, пушкарь, у вас тут готовится? Коренная ярмарка или битва на Куликовом поле?

Василиса Никитишна (толкая под бок пушкаря). Скажи лучше ты.

Пушкарь Никитин. Нет, ты лучше.

Воевода Алексей Адашев (блестя хитровато глазами). Значит так? Сговорились, слюбились ваши молодые? Будет свадьба, будем гулять?

Пушкарь Никитин (разводя руками). Ну, а как же? Гулять так гулять.

Воевода Алексей Адашев. Всё хорошо, что хорошо кончается.

Василиса Никитишна. Как кончается? Только всё начинается.

Голос со стороны. Стол посредине двора – большой главный стол. За ним молодые – Анюта и Симеон. Тут же пушкарь и пушкариха Никитины и сам воевода Алексей Адашев. А вокруг главного стола, вкруговую, другие столы, за которыми вся Пушкарная слобода, стрельцы из крепости, что у слияния рек Оки и Орлика. И ещё другие гости отовсюду, откуда можно, ближнее и дальнее.

И вот поднимается сам воевода Алексей Адашев и поднимает рюмку за молодых.

Воевода Алексей Адашев. Совет да любовь. И семью такую, чтобы детей - защитников нарожать столько, чтобы никто никогда не посмел посягнуть на нас, на нашу крепость Орёл, чтобы стала она городом – крепостью на все времена.

А ещё попрошу молодого Симеона рассказать, как это у него получилось? Ну как он привёз в целостности и сохранности Анюту – супругу свою из крымского плена?... Горько-а-а!...

Симеон (поцеловав Анюту в её молодые, солёные губы, начинает свою заключительную историю). Дал коня мне отец... Вот он (показывая на пушкаря Никитина), теперь он и мой отец... Так вот дал своего коня мне Никитин, и поскакал я...

Голос из-за стола. Куда?

Симеон. В Крым.

Голос из-за другого стола. Куда, куда?

Симеон. Держу путь прямо на юг. Как в летописях, в «Слове о полку Игореве», прямо по Дону. Только князь Игорь с юга на север, а я, наоборот, с севера на юг. Едва отъехал, ещё до Курска не доскакал, как вот она Коренная пустынь с её иконой «Знамение». Задержался я тут, конечно, помолился, приложился к иконе, попросил у неё помощи. Она мне и помогла... Всё.

Голос из-за стола. Так просто? Нет, ты ещё что-нибудь расскажи.

Другой голос из-за стола. Дальше-то что было?

Симеон. А дальше вот что. Встретил я монаха в чёрной одежде, а он оказался со светлой душой. Спрашивает меня: «Далеко, православный, путь держишь?»

– «Да в Крым, – говорю – За Анютой. Крымчаки её увели».

– «Хватит валить всё на крымчаков, - говорит монах. – Небось, это Анюта твоя лежит у нас в келье. Вез её кто-то, а она в речке Тускари тут у нас искупалась, а воды-то ледяные, вот она и заболела. Этот, что вез её, оставил Анюту в монастыре: «Подлечите, а я за ней скоро вернусь.»

Ну, а тут и я подъявился... Всё.

Голоса из-за стола. Опять всё?

Симеон. А что же ещё? Вот сидим теперь с ней тут, гуляем.

Голоса со всех столов. Горько-о! Горько-о! Горько-о!

Симеон (целуя Анюту в её молодые, сочные губы). Сладкая моя, коренская.

Голос из-за стола. Ну, а батюшка-то вас венчал – отец Василий?

Симеон (Анюте). Скажи ты.

Анюта. Конечно, венчал. Отец мой староста при Богоявленском храме, а я его дочка.

Василиса Никитишна. Я довольна зятем, и отец доволен.

Глосса из-за всех столов. Ну, а где теперь будете жить? В Москве или в Орле тут? В крепости или на Пушкарной слободе?

Тишина. Пауза. По Пушкарной слободе перебрёхиваются собаки.

Воевода Алексей Адашев. Вот вопрос – со значением.

Симеон. На Пушкарной слободе. Слобода – от слова свобода.

Пушкарь Никитин. Дом им хороший построим.

Воевода Алексей Адашев. Принимаю его в пушкарни, зачисляю в штат. Или в егери, будем налаживать тут охоту...

И тут в Пушкарской слободе, у дома пушкарей Никитиных, остановился царский возок.

Вскоре Настасья сидела за главным столом между невестой и воеводой Алексеем Адашевым.

Царица Анастасия (провозглашая тост, поцеловала сидящего рядом воеводу Алексея Адашева в его крепкие, непослушные губы, сказала от всей души всем русичам под могучим, заматеревшим дубом). Желаю вам, орлы, совершить столько подвигов, сколько на дубе тут желудей. А вам, молодые, всегда идти в ногу, одной дорогой с Отечеством.

- Горько! Горько! – закричало застолье.

Эпилог

И много подвигов совершил Орёл и потомки Анюты и Симеона в истории, и много чего они от страны получили, но главное – в герб орла вставили и сложили гимн о нём, который поём:

Крылатой птицей над Окой летящий,

Орёл наш – город славы боевой.

Уж пятый век, как друг твой настоящий,

Он задушевно говорит с тобой.

Припев: Боянный, среднерусский, синеокий,

В музейный город едет вся страна.

Пусть мелки воды – берега высоки
И всё нам имена, всё имена.
Первый салют Орлу – мы победили!
Первый салют – и всегда победим!
Улицы – розы, улицы – крылья.
Город любимый, Отечества дым!

Столица близко, слышатся куранты.

Кремлём – красавцем искренне горжусь.

Пусть мелки воды – глубоки таланты.

Могучая, проверенная Русь.

Припев: Боянный, среднерусский, синеокий.

Гербовный город знает вся страна.

Пусть мелки воды – велики дороги,

Овеянная славой сторона.

29, 30, июля, 1 июля 2014 г.,
г. Орёл

**МОЯ МАЛАЯ РОДИНА,
МОЯ МИЛАЯ, МИЛАЯ
РУСЬ**

Деревенский скрипач

Вольной волей упьюсь! Наброжусь, наскитаюсь.
Крымы-рымы пройду по большим городам,
А домой возвращусь, с колоском повстречаюсь
Песню Русского поля колоску передам.

Деревенька родная, березняк да осины
На лежанке прилягу после дальних дорог.
Русской печки тепло. Монотонно и длинно
Тянет свёрлышко ночью запечный сверчек.

Звук скрипичный. Уснула моя деревенька.
Голоса и виденья. Горлом катится ком.
С кем ещё отведёшь свою душу маленько,
Как не с этим ночным деревенским сверчком?

Всё сверлит и сверлит где-то рядышком, близко.
Аж слеза заискрится, видна в темноте.
Выйду в поле чуть свет. Тучи тянутся низко.
Русь вокруг по кладбищам, кресты на кресте.

Редковаты селенья, пусты электрички.
А куда им мотаться у нас тут, к кому?
К русской речи моей подбирают отмычки
И английскую молвь к скрипачу моему

Сокращённая электричка

Электричку на днях сократили.
Хвост отпал, стал какой-то короткий.
По четыре вагона сцепили,
Набивать потесней, как селёдки.

Даже после сраженья великого
На Орловско-Курской дуге
Так в ушах у меня не тикало,
Не мутило так при пурге

Оставались в оврагах деревни,
По землянкам спасался народ.
А теперь всё грачи на деревьях,
Но деревни самой уже нет.

Наверху, хмурясь, сдвинут брови:
- Кто вам это, простите, сказал?!
- А ещё, - говорю, - закроют
Наш, скорее всего, вокзал.

Электричка в четыре вагона,
Контролёры без проводников,
Сам начальник дороги в погонах
Пролетает со скрипом веков.

Весёлая тройка

«Слышен звон бубенцов издалёка,
Это тройки весёлый разбег».
По степи битва стлалась широко,
А теперь её делят на всех

На троих, по-отдельности как-то, -
Эти Белгород, Курск и Орёл.
Вопреки состоянию факта,
Каждый что-то себе приобрёл.

В Курске Харькову день отмечают,
Белгородским – первый салют.
И орловских салютом встречают.
Областям врозь осанну поют.

Мчат с утра по дуге электрички,
А за ними, как розовый конь,
От какой-нибудь маленькой спички,
Полям стелется, мчится огонь.

Слышен звон бубенцовый экспромта,
Это тройки пылающий бег.
Малый город с Центрального фронта,
Как всегда, погибает за всех.

Торсионные силы

– Почему, - говорят, - победили?
– И всегда, - говорят, - победим.
Малый город – немалое диво,
Мы какие тут чудеса творим?

А вернее, какие мифы?
Их от истины не отличить.
Исторически мы – это скифы,
Это сполох небесный в ночи.

С торсионной силой глубинной
В земле-матушке, в матушке, -
За такую стеной былинной
И стояли мы на Оке.

Танки пёрли на нас – лавина.
По стерне с Поньрей, посмотри,
Изогнулись мы , как пружина,
И отбили их изнутри.

Этот путь победителей Млечный
В звёздах замер наш первый салют.
Торсионные силы вечно
От земли в нас, от скифов тут.

Заколдованная дорога

Улицу Советскую прежде звали Курской,
Улицей Курской ехали на Курск.
И Екатерина стороною русской,
И в кабинке Пушкин с выездом на спуск.

Улица такая – опускалась к пруду,
Чтоб потом подняться и потом на спуск.
Прокатилось ею очень много люду.
В Крым и до Кавказа через город Курск.

А теперь дороги нет такой до Курска,
К Понырям дорожка поросла травой.
И никто не едет этой стежкой узкой.
Стежку заколодило, сглазил домовой.

Не прошли они тут и на «фердинандах»,
А теперь и нам тут не до Понырей.
Может быть, на это чья-либо команда?
Держат перемышку ямбы и хорей?

Крюку вёрст под сорок, нервы всё да стрессы,
От Тросны до Курска лишку мы даём.
Завывают ветры, крутят в поле бесы.
Мы в кибитке едем с Пушкиным вдвоём.

Грачи в ёлках

Автобус довезет до ёлок,
До малой родины моей,
Нырну под их зелёный полог,
А тут грачи среди ветвей.

И магазин в стране чудес.
А в нём всё есть, о чём мечтали
Лет семьдесят, - ну да, иес,
У ёлок лапу мы сосали.

Зачем грачи вы тут сидите,
А не летите на Москву?
Позвольте к вам, в сию обитель,
Мне постучаться – Лео, Льву?

И всё не сходит удивленье,
Когда от ёлок я несу
На нашу улиц, печенье,
А также хлеб и колбасу.

Ни карточек на хвоях мелких,
Ни пережитых норм и квот.
Сидят грачи, как на иголках,
И смотрят сверху на народ.

Пушкин и мы

Живу на улице, где Пушкин
И дама пик, а что ещё?
Была война, стреляли пушки,
Вдруг Пушкин к нам сюда пришёл.

Бывал у нас тут, в нашем доме.
В лице праправнука сидел
Среди своих в четвёртом томе
И на меня в упор глядел.

Мать разносила угощенья,
Смеялась, счастлива была.
С утра как будто день рожденья
Справляла мне тут, как могла.

А он шутил, весёлый Пушкин,
Ну, вылитый! Ну, Ганнибал!
И ушки были на макушке,
И кто-то тайно правил бал.

Стоит наш домик, в сказке русской.
Но отчего доски тут нет?
И стынет на столе закуска.
И тут же дедушкин буфет.

Шумит наш городок зелёный
В седой бояновой степи,
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит, ходит по цепи.

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

О Р Ё Л
КРЫЛАТЫЙ ГОРОД

ОРЁЛ
2015

ББК 84(4) 3

3 – 81

3 – 81 Л.М. Золотарёв «Орёл. Крылатый город» / Фотоснимки, стихи и песни, историческая драма. – Орёл: ПФ «Картуш», 2015 г. – 150 с.

ISBN 978-5-9708-0451-3

«Орёл. Крылатый город» – книга об Орле навстречу его юбилею (2016), когда городу исполняется 450 лет. В книгу включены стихи и песни об Орле – современные и исторические, лирические и эпические. Особого внимания заслуживают гимны об Орле и Орлее – Орловщине, слова, положенные автором на музыку своей души. В книгу включен цикл стихов «Моя малая родина». Сюда же вошли историческая драма об Орле изначально, цикл стихов о М.Ю. Лермонтове к его 200-летию.

Книга Леонарда Михайловича Золотарёва зримая (фотоокно) и в то же время звучащая (песни автора). Интересна всем, кто любит свой красивый, крылатый город, родную Орловщину.

ISBN 978-5-9708-0451-3

© Золотарёв Л.М., 2015 г.

© ПФ «Картуш», 2015 г.

Малоархангельск

Моя малая родина – Малоархангельск.
А вокруг города – всё как гнёзда у птиц.
Курск, Орёл и Воронеж подальше на фланге,
По степи вековой разлеглись.

Хоть и мал золотник, а мне люб, а мне дорог.
Столько ангельских душ приютилось к стиху.
Не убил меня век, не сломил меня враг,
Мы – архангелы с Богом, на самом верху.

Попрошу небеса: сохраните мне душу,
Вознесите слова в поднебесья свои.
На затылок упала дождевка, послушай
В серебре тишины золотишки мои.

Ночь легла набело,
Поутру зеленыя замело.
Осень, осень. Листок в небеси,
Я иду, золотой, по Руси.

14 октября 2013 г.

ТРИПТИХ ПРО ГЕНЕРАЛА

Ермолов на коне

Ермолов всегда на коне.
С вершин белоснежных Кавказа
Привстал он в родной стороне
В седле тут, на стремя, не сразу.

Ермолов всегда на коне.
Орловцам сказал: «Это здорово!
Воздвигли вы памятник мне
На площади генерала Ермолова!

И вот из Орла я гляжу
С Лукьянчиково до Парижа.
Кавказу сказал и Европе скажу:
- Бог в небе, победы не ниже!»

Проходят пред ним, как во сне,
Солдатики, пушки порой.
Ермолов всегда на коне –
Орёл наш, земляк наш, герой.

Баллада о Лукьянчиково

Бежит река, в тумане тает
В Лукьянчиково где-то за Окой.
А нам героев вечно не хватает,
Один Ермолов, но зато какой!

Да кто герой? Кого народ считает
Героем настоящим, не игрой?
А кто карман себе не набивает,
Кто за народ, кто с нами, тот - герой.

Ермолов так о Пушкине сказал:
«Поэт суть гордость нации».
А Пушкин так ему в ответ:
«Вы не война, а мир, источник грации.
Защитник наш от пламени и бед».

Бежит река, в тумане тает
В Лукьянчиково на закате дня.
Нам Пушкина поныне не хватает.
Мой генерал! Молитесь за меня.

Часовня Иоана

Ермолов! Каково звучит!
Лукьянчиково, родовое вено.
К нам караван серебряный летит,
И мы под журавлями непременно.

Кружится клин среди ржаных полей.
Звенят нам свыше царские медали
На тонких шеях этих журавлей,
Какие на груди у них рядами.

Всё за Кавказ, за русский Крым таланты,
За Русь святую, за Бородино.
В Лукьянчиково ценят аксельбанты
Не по картинкам где-нибудь в кино.

В источник света канут облака,
По Оптухе скользнут с лучами рано.
Несут, несут Ермолова века
На щит и меч, к часовне Иоана.

19 мая 2014 года, г.Орёл

Деревенька на Оптухе,
Деревенька Лукьянчиково,
Деревенька орловская,
Исторический вид.

Сторона моя русская,
Дорогая, родная, неброская,
Песнь свою о Ермолове
В моём сердце хранит.

21мая 2014 г., г. Орёл

О доблести, о подвигах, о славе.

Александр Блок

Когда меня влюбляться подмывало
И ночи гнало мимо чередой,
О чём ты мне собой напоминала,
Казалась близкой, вечно молодой?

Такой любимой, ласковой, красивой,
А может, и не очень, но своей.
Так я и шёл немеркнувшей Россией,
В фантазиях не Дориан ли Грей.

Не знаю, где мы обо что споткнулись,
Что смело между нами пробежать.
Шумел камыш, деревья низко гнулись.
Шалела ночь шанелью номер пять.

Идём, идём по прожитым дорогам.
И не чужие, но и не свои.
Однако стоит ветру за порогом
Нагнуть камыш, как плохо нам двоим.

«Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла».
Зенит звенит, дорога изогнулась,
Куда она с тобой нас завела?

Уходит день. Короче всё и проще.
Жизнь предстоит достойно завершить.
Шумит камыш, деревья дождь полощет,
А ночь шанелью пахнет номер пять.

Осень 2013 г., г. Орёл

Сонет о любви

А.А. Фету

Всего два слова, если ты поэт.
Любовь и красота – всё свыше, всё от Бога.
Уста свои распахивает Фет.
Слова как с неба, их не надо много.

Хмелея от тебя, моей удачи,
Букета тонких виноградных вин,
На бедность не даю я трезвым сдачи,
Гранёному хозяин я один.

Любовь и красота! Нет ничего прекрасней.
И вознесут, и могут погубить.
Нет ничего и женщины опасней,
Какую мы пытаемся любить.

Без слов, за гранью есть талант иль нет?
А если нет, не даст его и Фет.

1 июня 2014 г., г. Орёл

Сонет о Прометее

*А.А. Фету
(второй вариант)*

Всего два слова, если ты поэт.
Любовь и красота – всё свыше, всё от Бога.
Уста свои распахивает Фет.
Слова как с неба, их не надо много.

Хмелея от тебя, моей удачи,
Букета тонких виноградных вин,
На бедность не даю я трезвым сдачи,
Среди поэтов я такой один.

Любовь и красота! Нет ничего прекрасней.
Чем факел Прометея с небосвода.
А те, что ниже, всё, увы, опасней.
Не тот колёр, не та, увы, порода.

Для женщины рождается поэт,
С небесным даром или нет?
А если нет его, не даст его и Фет.

2 июня 2014 г., г. Орёл

Вместо эпилога

Из молитвы оптинских старцев

Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить всё, что принесёт настоящий день, какие бы я ни получал известия в течение дня, научи принять их со спокойной душой. Во всех моих делах и словах руководи моими мыслями и чувствами. Научи меня прямо и разумно действовать с каждым членом семьи моей, никого не огорчая, никого не смущая.

Господи, дай мне силы перенести утомление наступающего дня и все события в течение его. Руководи моею волею и научи меня молиться, надеяться, верить, терпеть, прощать и любить. Аминь.

Самая короткая молитва

Всемиловитая Богородица
Пусть милосердие твоё
Прикоснется к нам.

М.Ю. Лермонтов
Молитва

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучьи слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

A decorative rectangular frame with ornate, symmetrical scrollwork and flourishes at each corner and mid-point. The frame is composed of two parallel lines. In the center of the frame, the Greek word "ΦΟΤΟΟΚΗΘ" is written in a bold, black, serif font.

ΦΟΤΟΟΚΗΘ

Крылатой птицей над рекой летящий. На Александровском мосту

Вид на Белый дом

От главной площади, у здания горсовета

Н.С. Лесков в окружении своих героев

Один из лесковских героев Левша на фоне храма Михаила-Архангела

А это, как видите, Фет пришел сюда, к Дому литераторов, из музея писателей-орловцев

Сергей Есенин на Университетской площади. Глянешь: налево – Пушкин, направо - Есенин, и от души отлегло

А это доска Есенину на доме, где когда-то был дом его жены – Зинаиды Райх, куда приезжал поэт

А это музей И.С. Тургенева на Тургеневской улице

А это музей Н.С. Лескова на улице Октябрьской

Поблизости, на месте, где стоял дом Бахтина, ныне « Очарованный странник» с музеем М.М. Бахтина

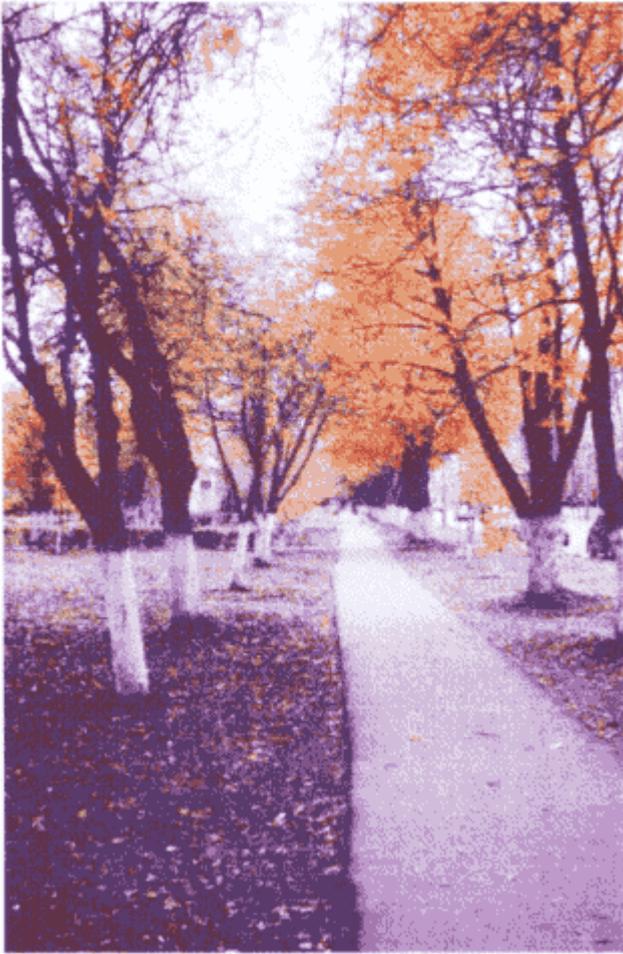
Тут же, в музейной зоне Орла, музей писателей-орловцев, мимо окон которого я иду в будущее

*Вот оно, золото осени, в Орле. Сквер между музеем Тургенева и музеем Бунина.
Вид с тылу на музей И.С. Бунина*

Тут же рядом, на улице 7 Ноября, Дом Грановского. Также при золоте осени. И все это тут, в Орле, в «верхнем» городе, на Дворянском гнезде

*Дорога далее, по золотой осени.
И куда?*

*Вот он, этот «польский» корпус –
филфак Университета, на
Университетской площади, где стоят
бюсты Пушкина и Есенина*

*А это кто идёт по Университетской площади? Конечно, студентка.
И если плакучие ивы, то что там у неё, в сумке через плечо, после сессии?*

*А это дом с колоннами – главный корпус Орловского государственного университета.
Но на другом месте, на другой площади города.*

*Опять же в верхней части города другой вуз – Орловский государственный институт
экономики и торговли*

На Лесковской улице институт искусств и культуры. Новый корпус-дворец

*На главной улице Орла – бывшей Болховской. Это старинный особнячок.
Прямо-таки ягодка к ягодке*

А это через речку гостиница Орёл. На ней мемориальная доска. На этой площади, у сквера танкистов, в далёком 43-м, сразу же после Освобождения, выступала Лидия Русланова

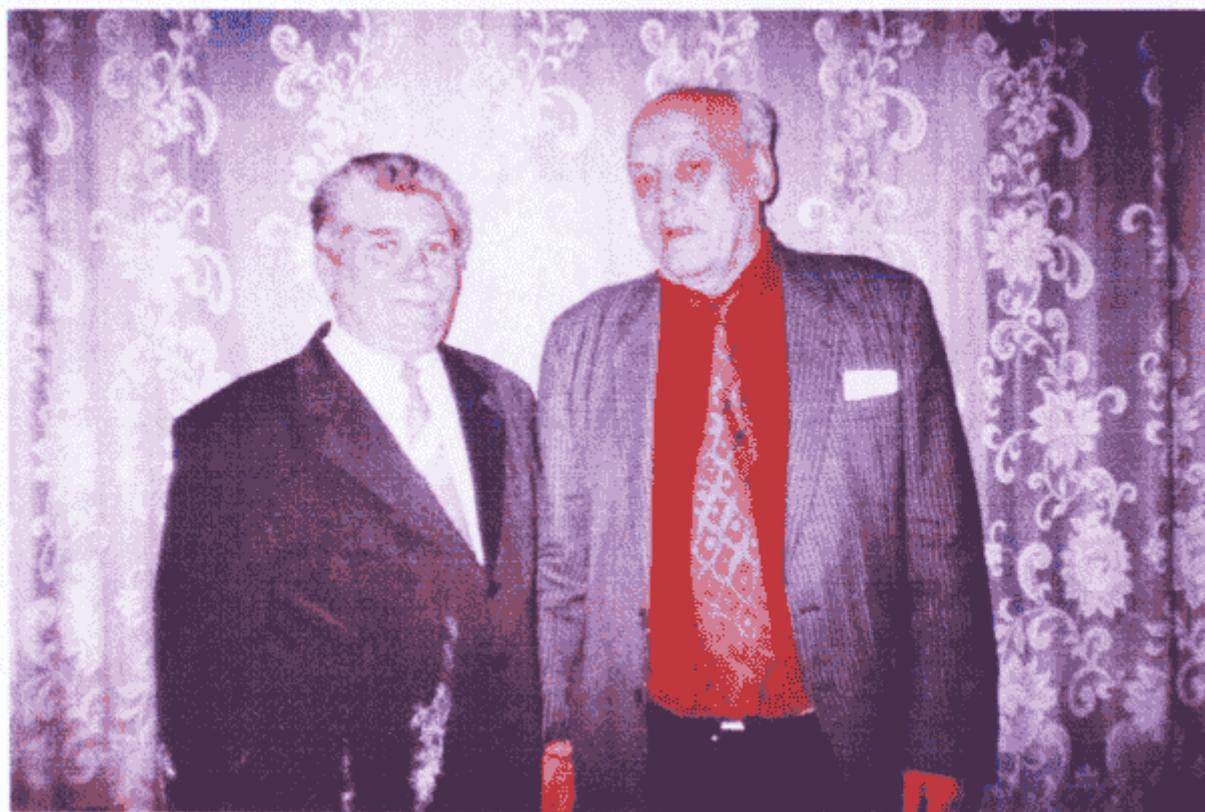
И снова Дом с колоннами. Музей изобразительных искусств. Школа живописи. Хранилище картин.

И гордость Орла- Торговые ряды. Придают губернский вид городу

*Здание, из которого управляют то ли культурой, то ли архивами
Старинный особняк. Стоит особо.
Отсюда укрепляют, смотрят в оба.
Отцам культуры – бреют бороды.
В архиве области и города.
Но не забыли ль мы,
Кто управляет быдлами?*

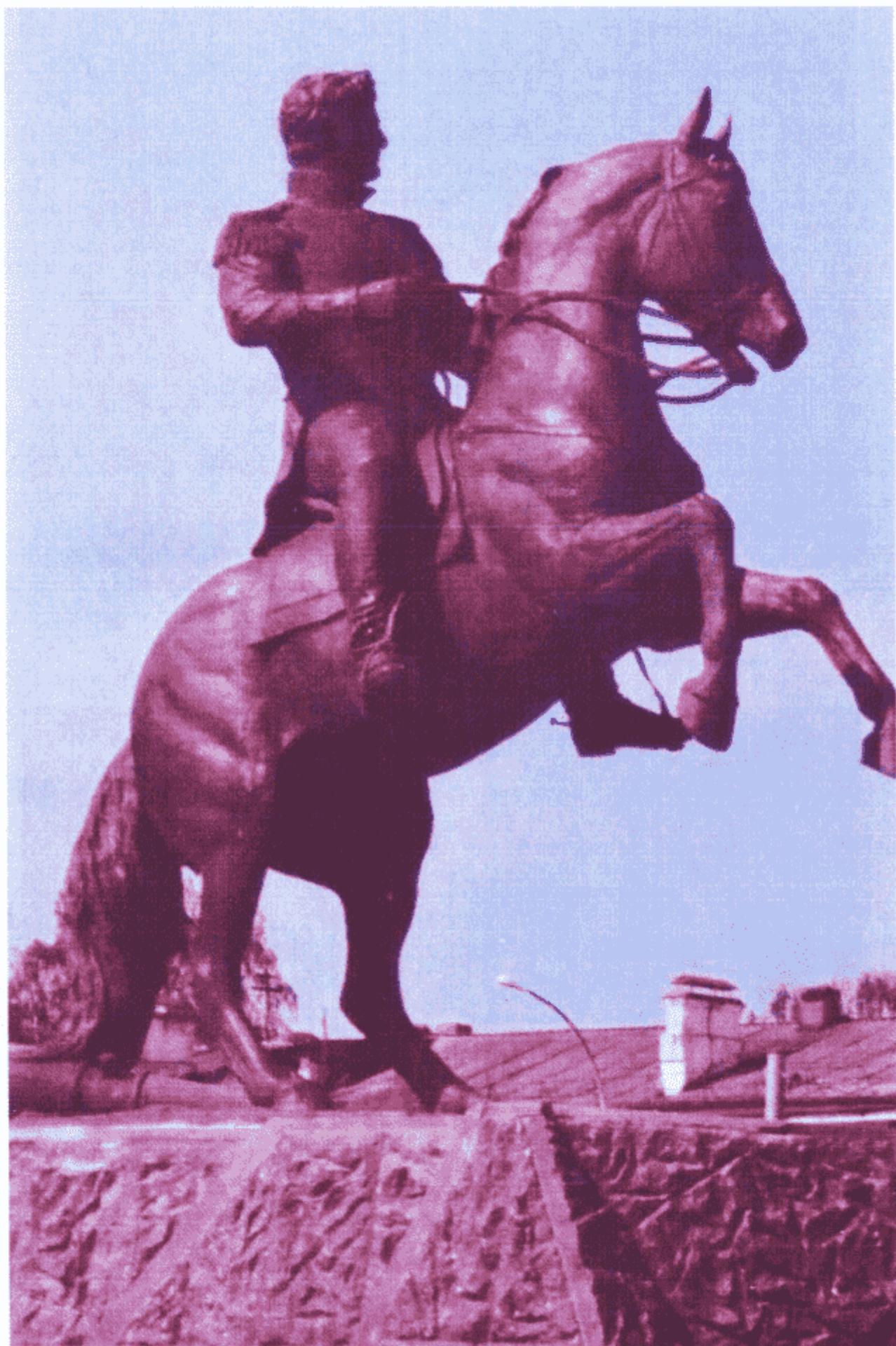
*А это мы, с Петром Лукичем Проскуриным (справа – тоже авторы, сочинители, частники
и соучастники былого и дум, художественных произведений)*

Орёл – город Первого Салюта, Воинской Славы. И у нас есть площадь Главного маршала Отечества – Жукова

Камень свидетельствующий о том, что тут будет памятник генералу Ермолову.

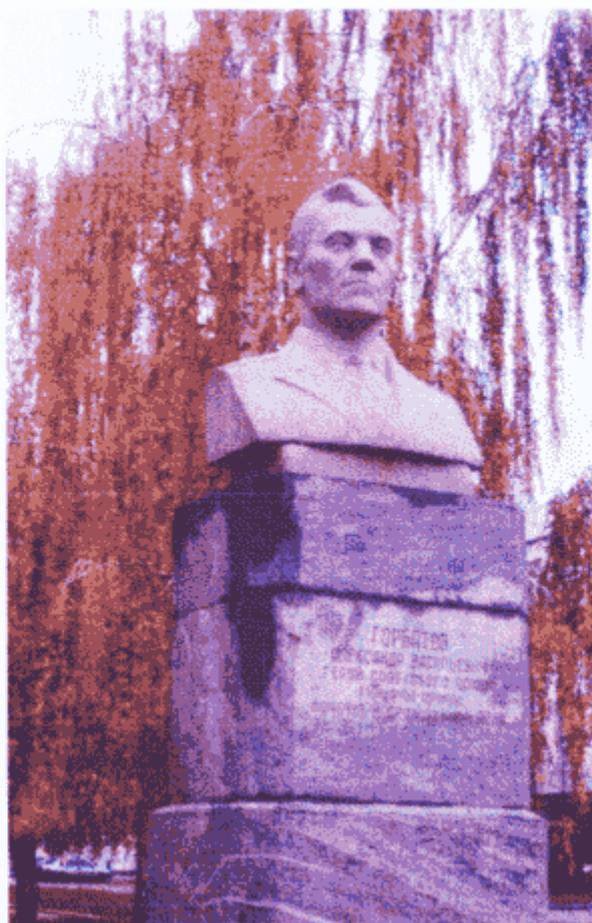
*И вот в Орле теперь Ермолов,
Как Медный Всадник на коне*

Сквер Гуртьева. И сам Гуртьев, погибший в 43-м на подступах к Орлу. Работа скульптора Вучетича – автора памятника Солдату в Берлинском Третьяков – парке

Тут же, в сквере Гуртьева. На аллее Героев

Неподалёку, на бульваре Победы, бюст генерала Горбатова- освободителя Орла

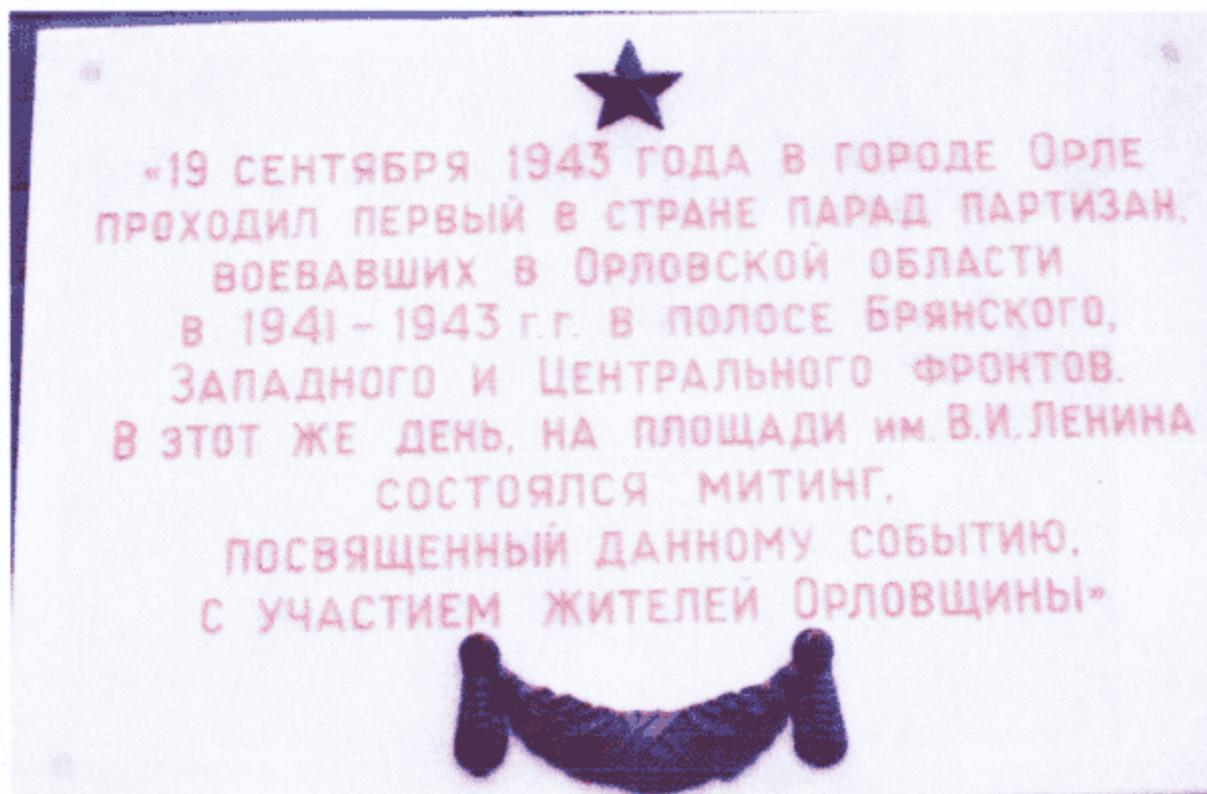
А это памятник тоже Автору – создателю легендарного самолета ПО-2. Авиаконструктор Поликарпов, наш земляк, из Ливен. Также с воздуха сделал немало для нашей Победы

Сквер танкистов. Вечный огонь. Памятник танку – ворвавшемуся первым, освобождая Орёл

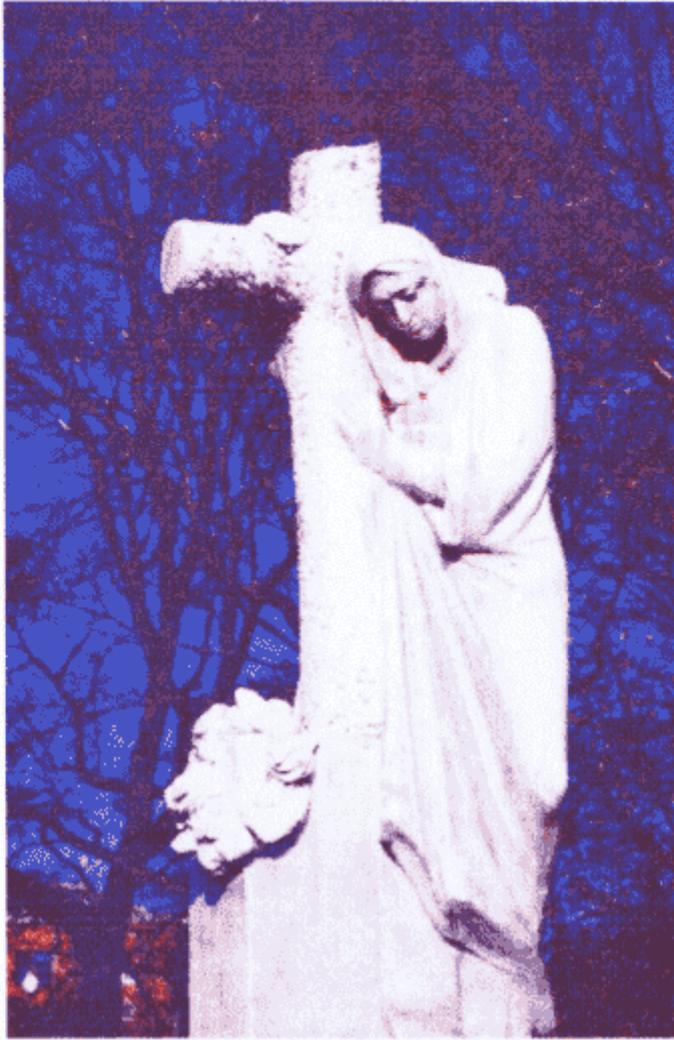
Диорама. Военно-исторический музей

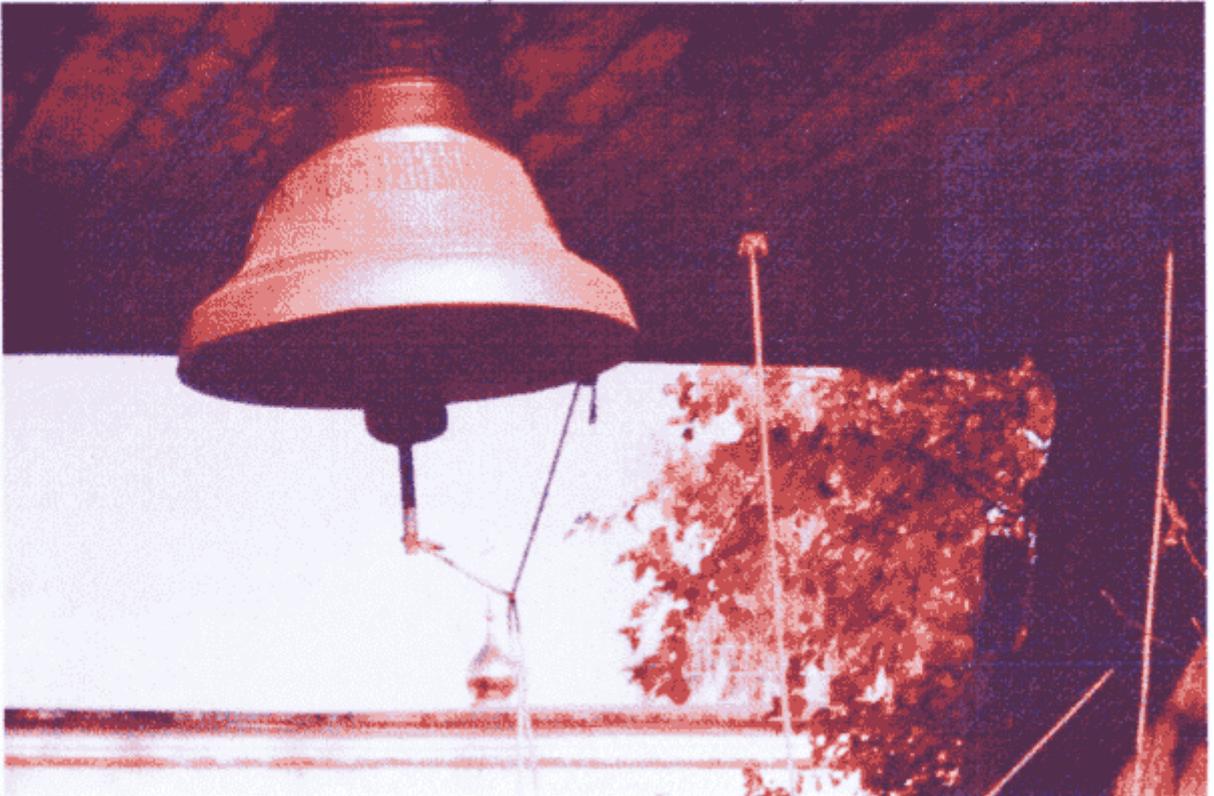
На главной площади Орла

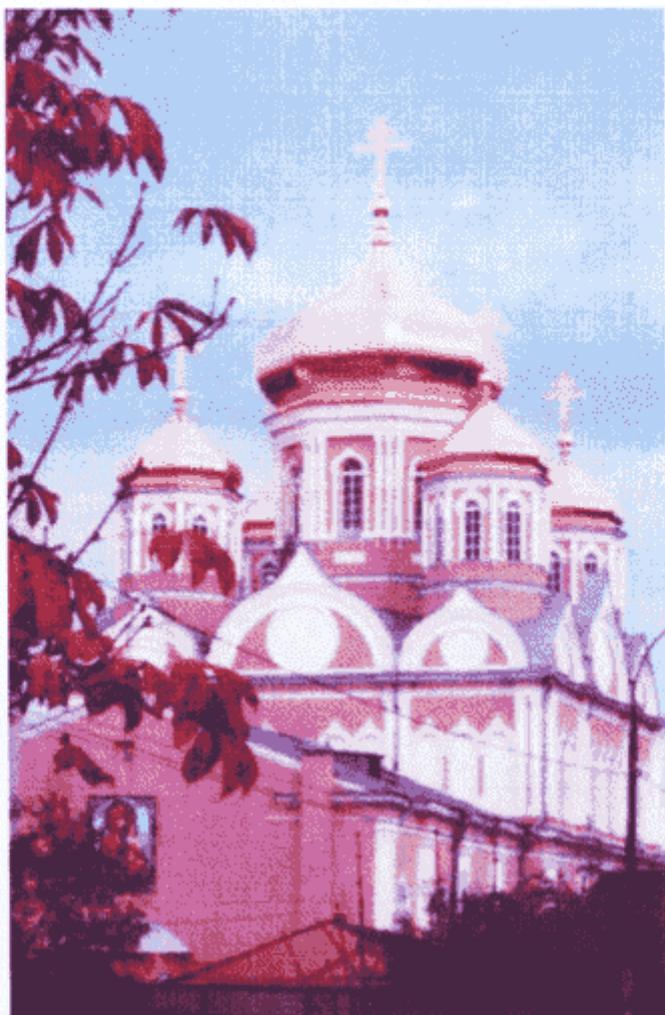
На здании Военно-исторического музея

В небе Орловщины погиб в 43-м командир эскадрильи «Нормандия-Неман» Герой Советского Союза Тюлян. Это как символ скорбной памяти по нему на одном из кладбищ Орла

А это звонят в колокол в женском монастыре Орла

Золотые купола храма на Песковской улице Смоленской Божией матери

Обитель митрополита Антония

Храм Михаила-Архангела на Орлике

Возрожденный Свято-Успенский мужской монастырь

*Людмила Серафимовна Золотарёва во дворе монастыря.
В её день рождения 19 октября 2013 года*

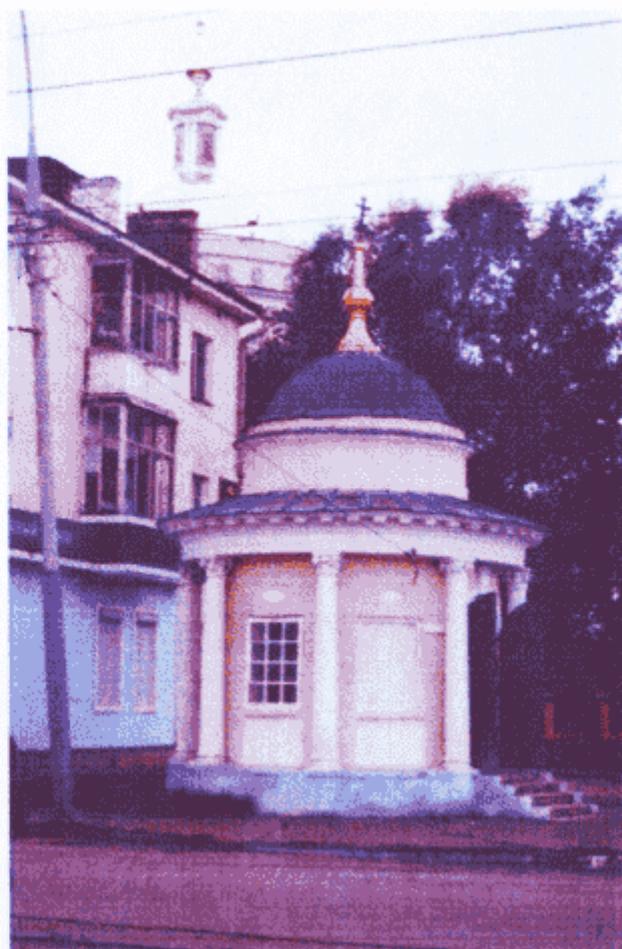
Храм Ипатьевской Богоматери. У железнодорожного вокзала. Золотые купола, а вокруг него – гнездо из маковок и шишей, семья церковная

Они же, вознесённые к небесам

Вид Орла

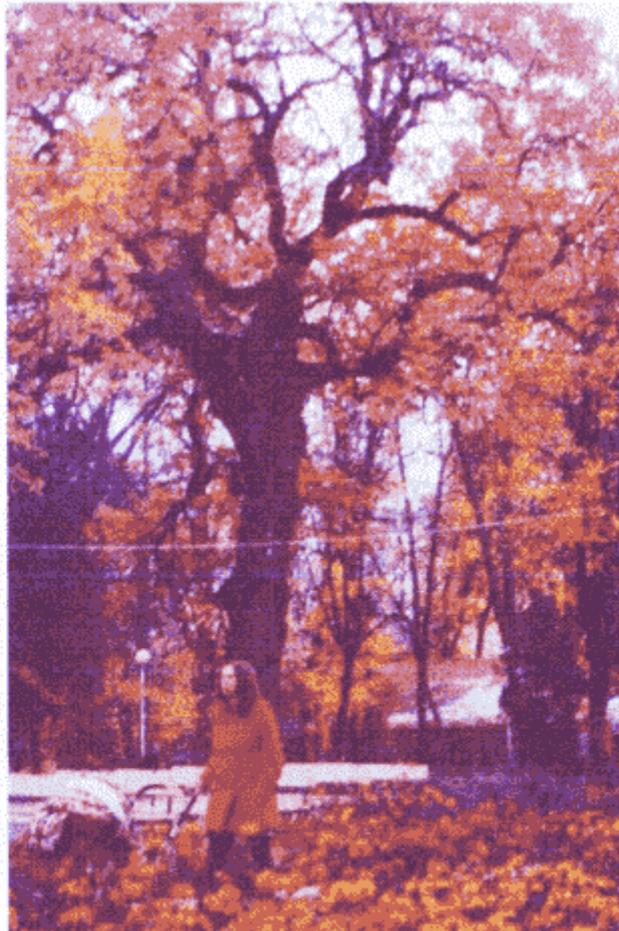
Часовенка у храма Михаила-Архангела. И в суете, при суетолоке жизни, найдётся время человеку, чтобы зайти сюда и, вспомнив предков, поставить им свечку

Орёл. Опять колонны, но в другой вариации. Орловскому горсаду – Парку культуры и отдыха уже более 200 лет

*По парку дорога к фонтану. Сидя под каштанами, помню, я читал Олегу Осмоловскому
страницы из первого своего романа в стихах*

*И тут же, чуть далее, вправо, это Дуб – патриарх лесов. И тоже сверху золотеет.
А может, уловил закат?*

От Александровского моста вверх по главной улице с оркестром. Прошёл главную площадь, и ты уже у «Парижанки»

*И тут же парфюмерия «Парижские духи»
-Назначаю свидание тебе у моста,
Как в Париже, у нас тут в Орле*

*И всё равно везде тут русский дух,
Тут Русью пахнет.
Поближе к мэрии, у спуска к «Стрелке»*

*И веет юмором, иронией,
Когда поднимаешься к вокзалу.
Заведение у завода «Текмаш»*

*А тут, на Октябрьской, пахнет пельзенским пивом.
В субботу с 12 до 02.
Пивбар «Весёлый роджер», а носит пиво сам Джон Сильвер
На одной ноге*

*И тоже бар, но – «У моста».
По бывшей Болховской.
В любое время*

*Чуть далее и мост.
Александровский мост. Речка Орлик под ним*

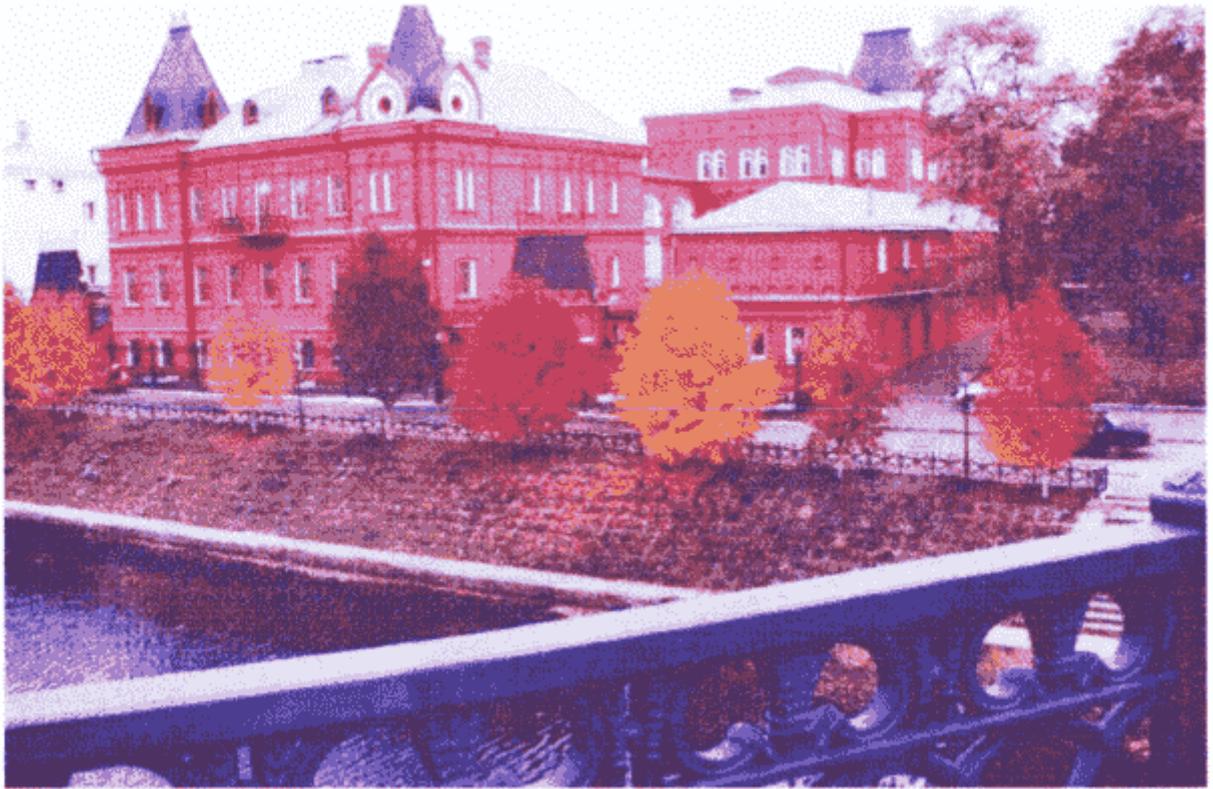
Всё тот же мост у Александра

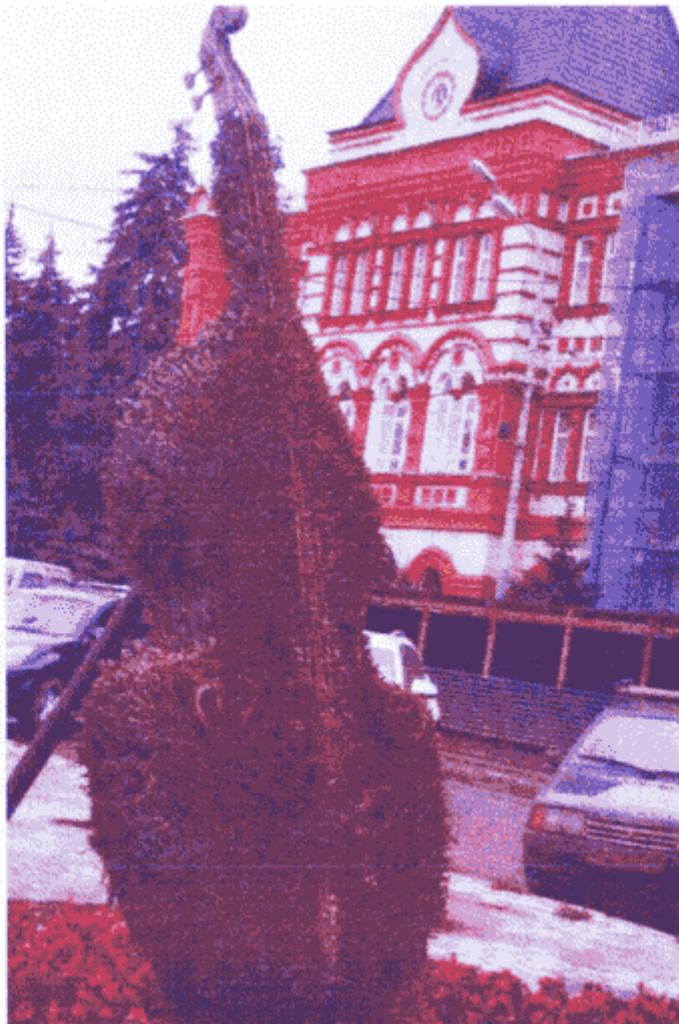
О тех, кто давал деньги на капитальный ремонт моста, по которому мы ходим

Всё тот же мост, на нём решётки и замки. Как знак влюбленных

Но деньги вот где – госбанк, областная контора. Вид с моста

Вид с площади Театральной

Всё тот же Александровский мост. Вид с Орлика

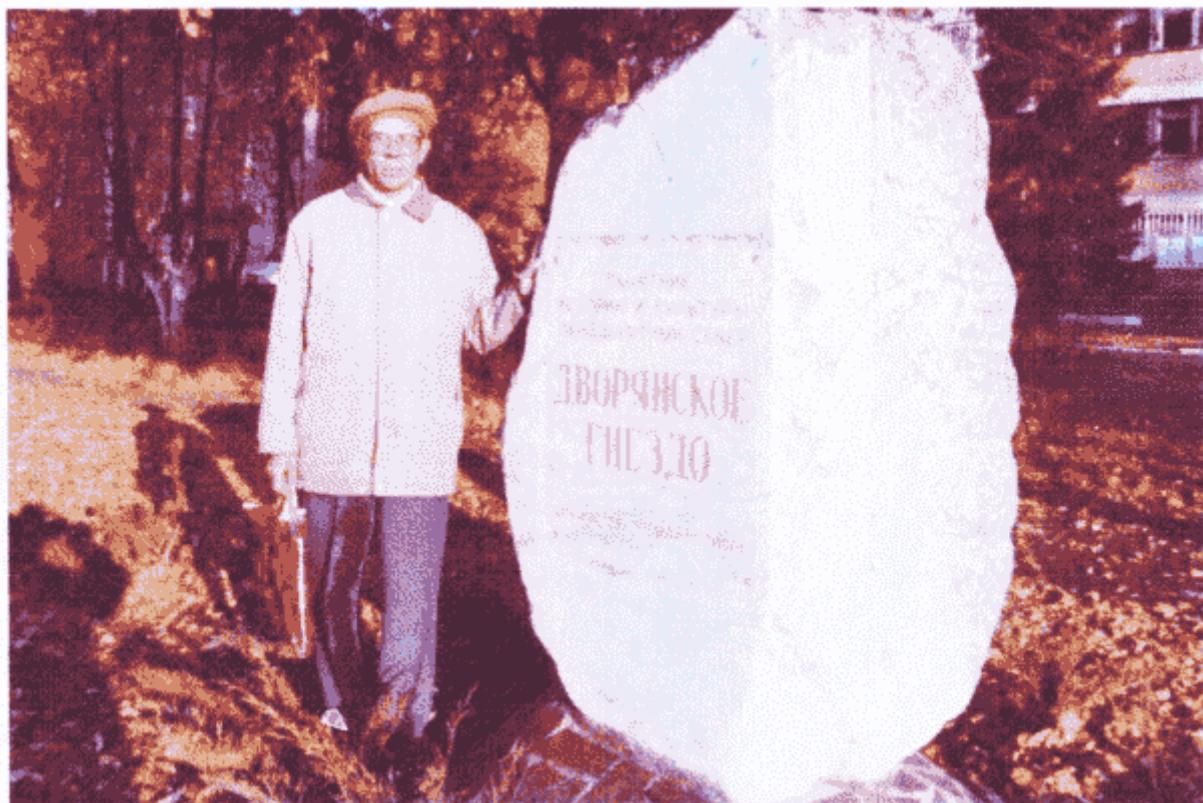
*И Красный мост через Оку.
За универмагом*

И тут же эта сцена у моста. Медведица с медвежонком

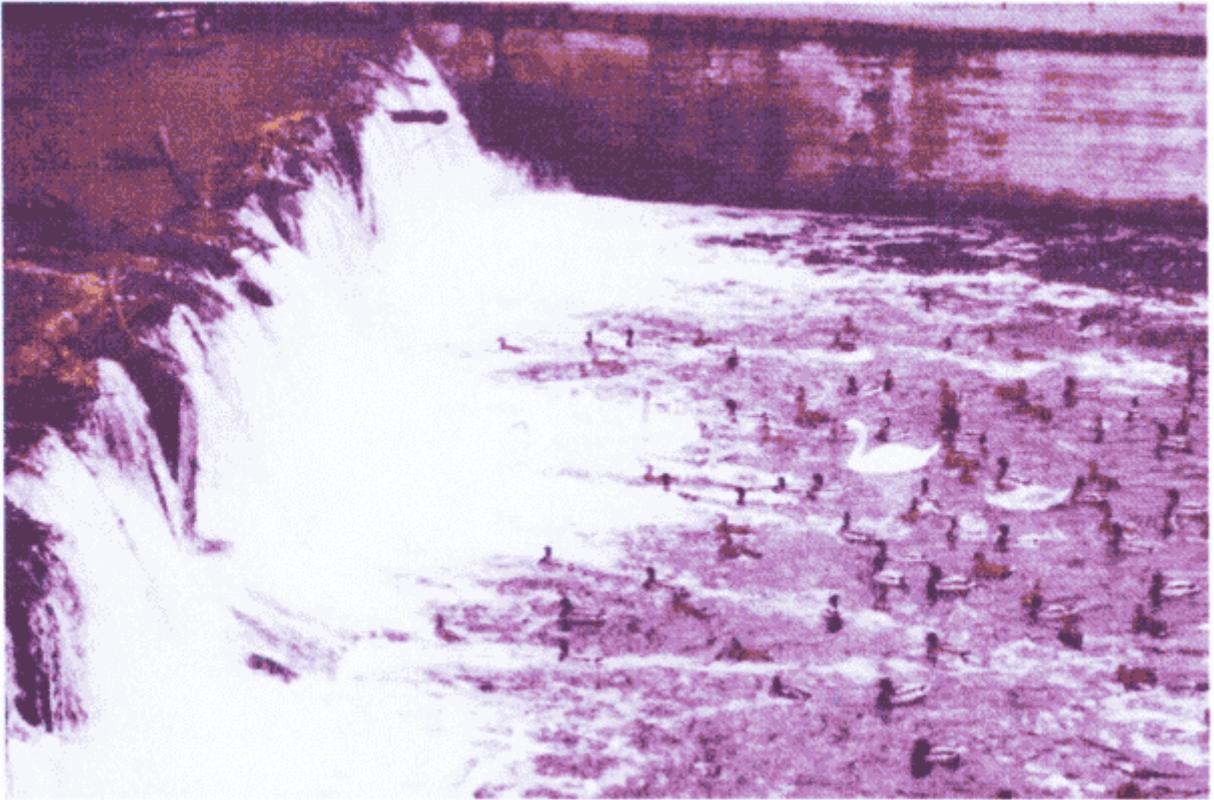
*И снова Золотой Орёл. В плакучих ивах. И кто тут мимо зелени шагает по Орлу?
У «Стекломаши»*

На Дворянском гнезде Игорь Золотарёв после занятий в университете

Ротонда в Горсаду, у золота берёз

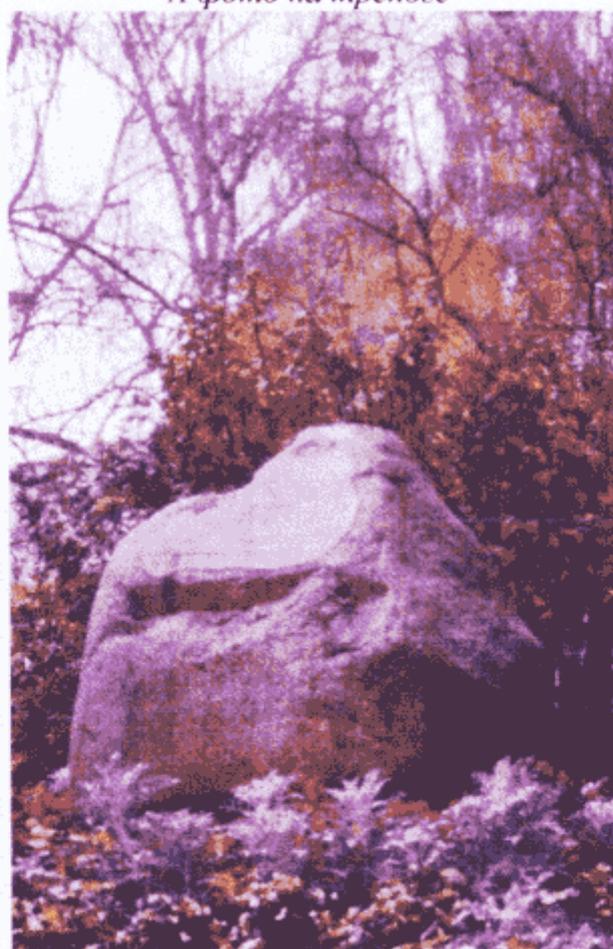
Подвесной мост. Плотина на Орлике. Весёлые ребята – утки. И лебедь. Шумный звук. И корм летит с моста сюда из чьих-то рук

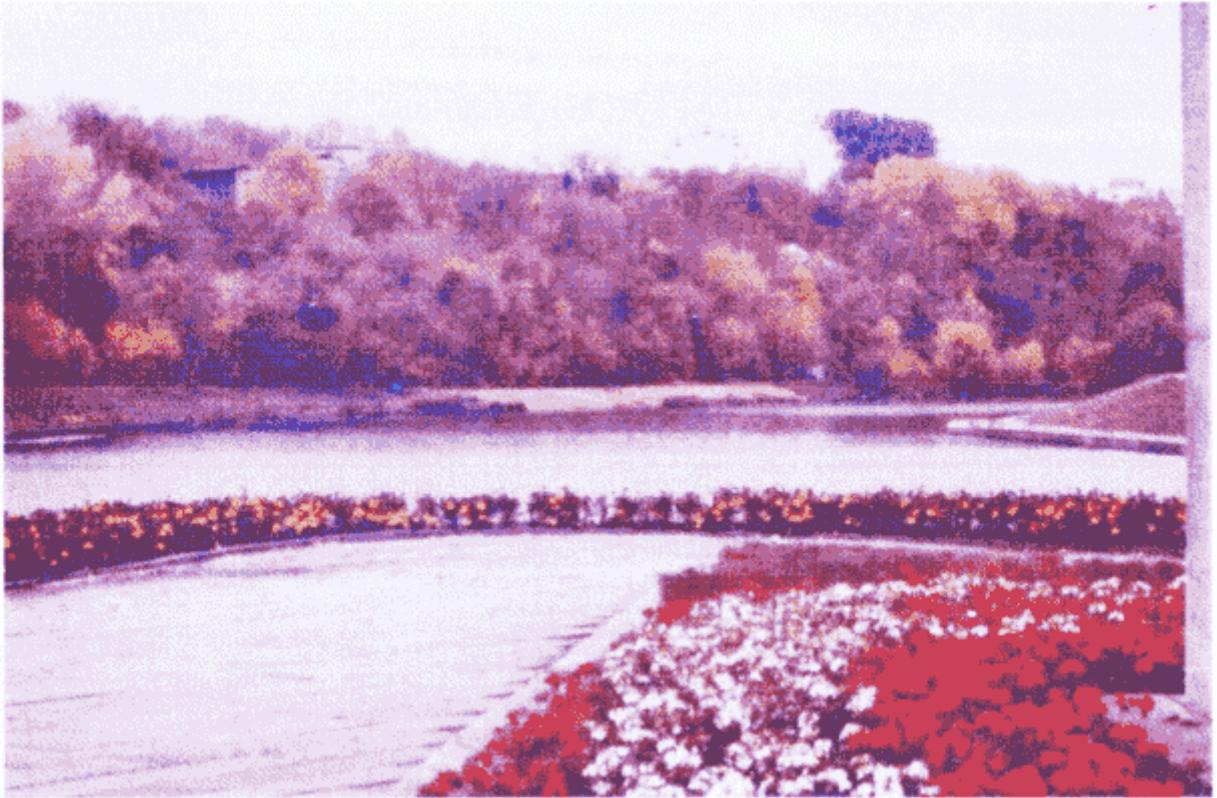
Устье Орлика, у впадения в Оку. «Стрелка». Знак 400-летия Орла. И молодые идущие на тот берег, где ждёт их что и кто?...

*Фотограф.
На двух ногах,
А фото на треноге*

*Но вечность тут, и никуда от нас.
Камень на «Стрелке», слова: «Здесь город заложен». 1566 год, крепость для защиты южных границ Руси*

Со «Стрелки» вид на тот, высокий берег

Отсюда мне рукой подать до двора. По золотой дороге к дому

А вот и двор наш. Вот и дом. Напротив

«Как у нас во дворе...» Вид из нашего окна

Вот тут поэт, наверно, и творит. За этим вот окном

Красавица-библиотека. Кладезь знаний. По-народному «Бунинка»

Как говорится, в Греции всё есть. В Орле тоже. Даже такие вот колонны в античном стиле. Это вокзал. Вернее, «предвокзалье»

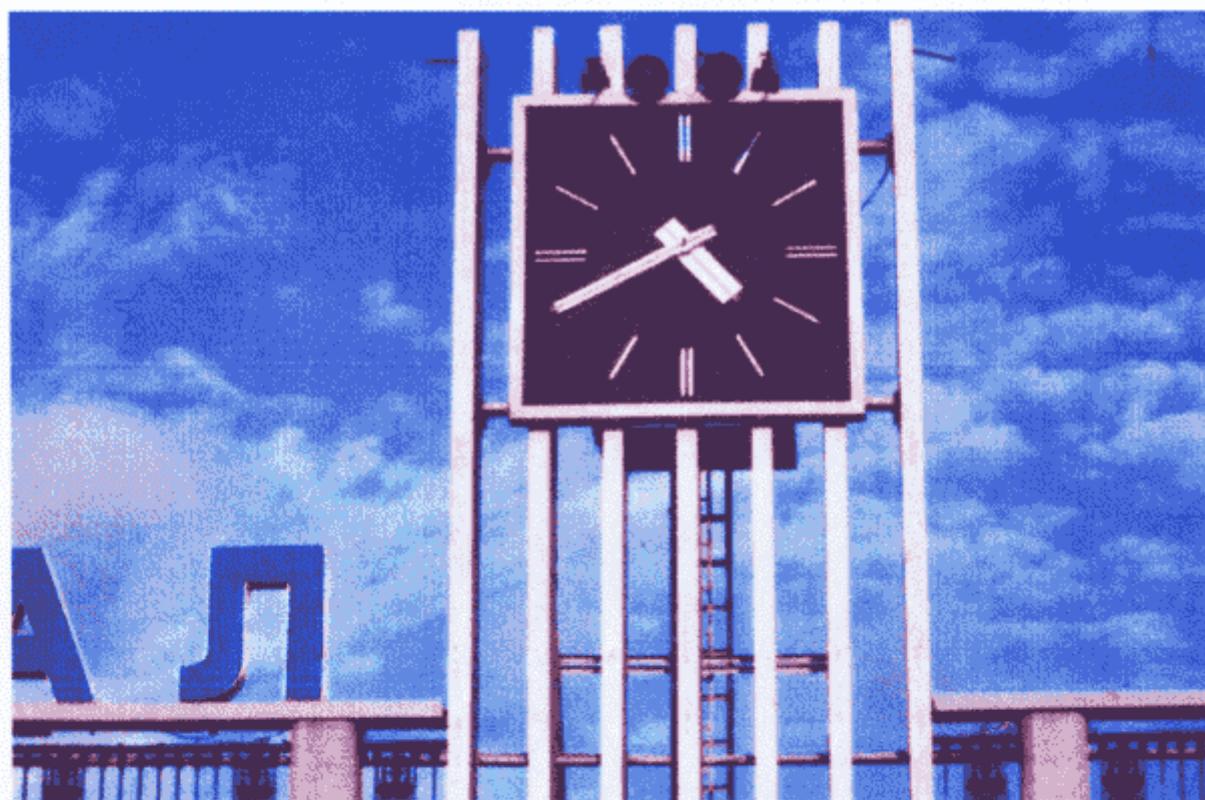
И сам вокзал. Налево – окна-витражи. На витражах – литературные портреты: Тургенев, Лесков, Фет, Бунин

А это на перроне. Зелёная дата, опять же в золотой оправе. Никуда не денешься: октябрь

Башенные часы

Вот они вблизи. Куранты. Отсчитывают часы, половины и четверти часа. Исполняют мелодию композитора Калинникова из его Первой симфонии

Такая «штучка» была в Орле, но теперь нет. Я успел её запечатлеть

*«Алёша». Памятник Металлургу. В микрорайоне на Сталеπροкатном.
Работа моего друга, скульптора Валентина Чухаркина*

*Силуэт Каховки.
«Орёл и Каховка – этапы большого пути».
Памятник песне*

На Пушкарной. Дом, где родился поэт ещё в 19 веке

Вот этот дом

*Магазин «Орлей» на Пушкарной
Истокам, что века в Оку впадали,
Окрестностям из городов и сёл,
«Орлеи» летописцы имя дали,
И только крепость (царь сказал) – «Орёл»!*

*Вот кот облюбовал местечко.
Замрёт, сидит и наблюдает
За пушкарями, кто идёт и что несёт.
И думает: что пишут, что читают?*

Дом писателя-орловца Леонида Николаевича Андреева, в России с начала 20 века

*Весь Андреевский дом под флагом осени.
Рябина запоздалая дозрела*

*Дом по соседству – другого цвета, но тоже изукрашен.
В резьбе по дереву. Русь деревянная*

*На соседней улице – Садовой – дом тоже Леонида Николаевича и тоже на букву «А» -
Афонины. Писатель тоже, театровед, как и поэт Потёмкин. Вот дом Афонины, где жил он
и писал*

А это Крестительская церковь на кладбище, где он упокоен. Лежат тут пушкарки. Л.Н. Афонин – известный писатель-орловец – родом с этой слободы

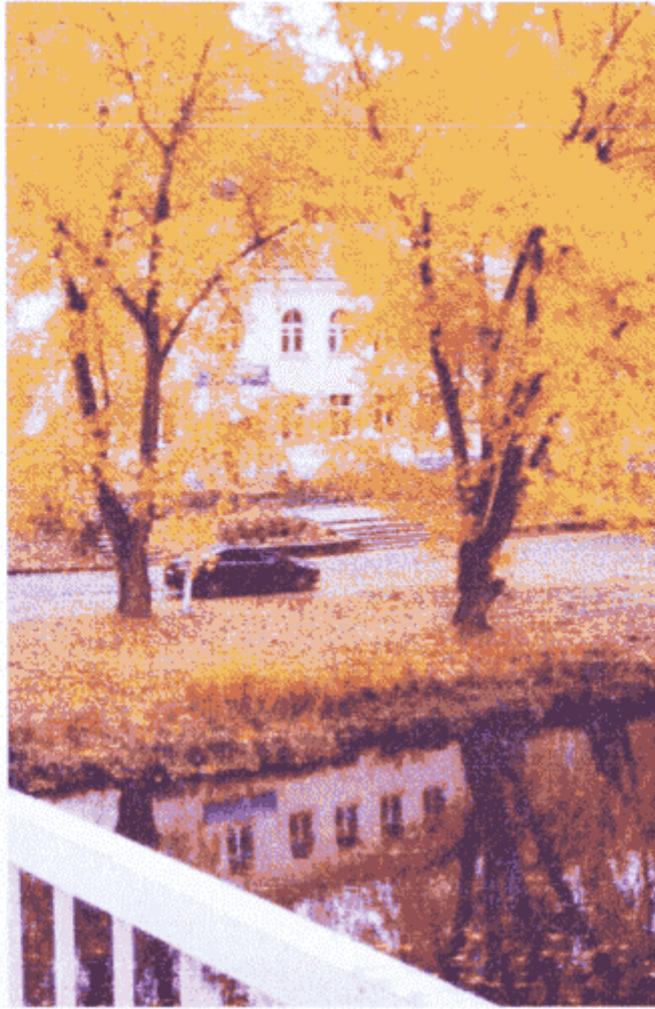
И далее по Орлику, огибающему Пушкирную, за «Зеленстроем» - дома живущих ныне пушкарки и далее коттеджи – пришельцев со стороны. Вот домик пушкарки. Давнишний, придан облик современный

А это уже коттедж. «Во дворе злая собака»

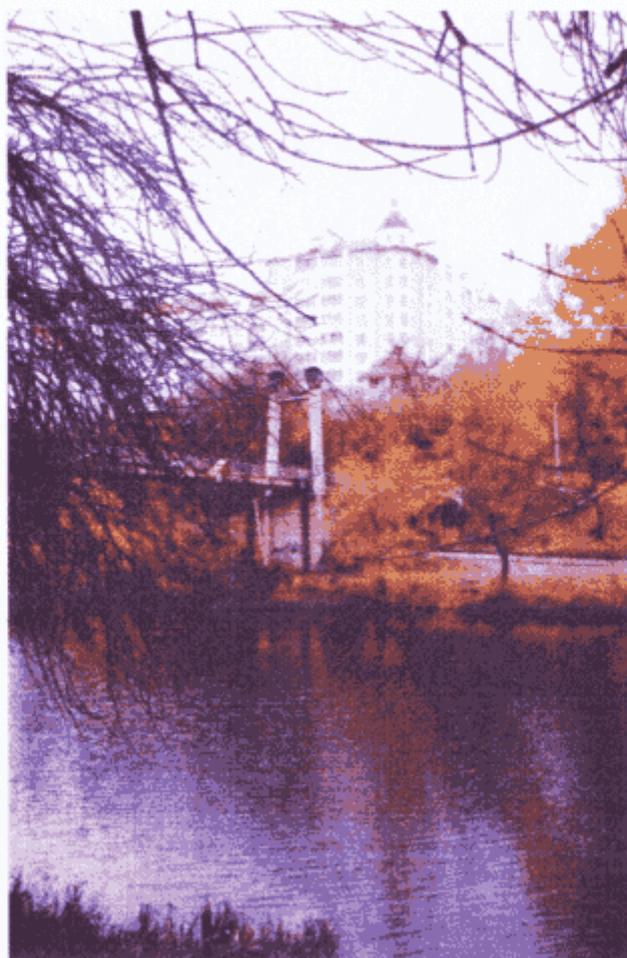
А это по ту сторону реки – «верхний» город. Дворянское гнездо

Пониже, по берегу Орлика, - спортбаза «Труд»

Сама спортбаза «Труд». (вблизи)

А это мост, по которому пушкари ходят в «верхний» город по разным делам

Оттуда вид сюда. За Орликом Храм Михаила-Архангела

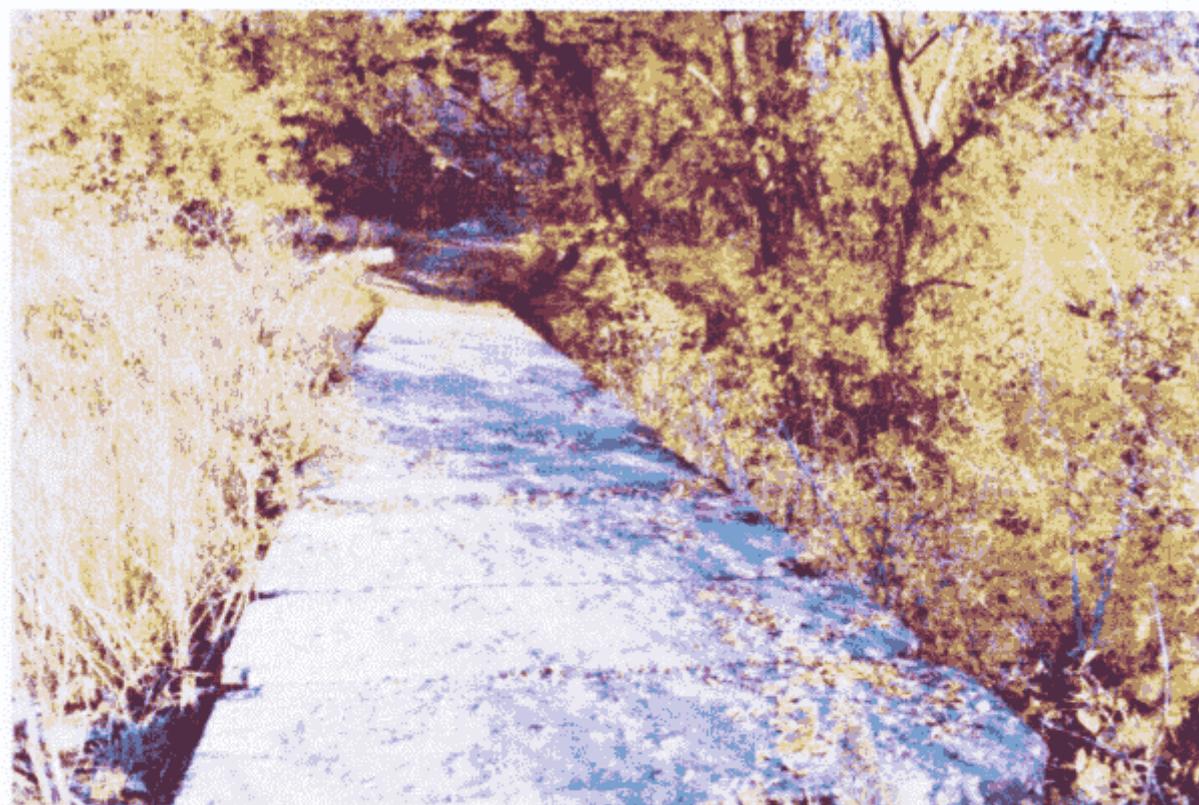
И просто Орлик. Вешние воды

*По ту сторону, за вешними водами. Тут, под откосом, обитал Гараська
(из рассказа Л. Андреева «Бергамот и Гараська»)*

По эту сторону – Зелёный берег и дом зелёный

Дорожка к храму Михаила-Архангела

Орловский госуниверситет. Исторический факультет, где когда-то была гимназия Слева от входа бюст Леонида Андреева

Вот он – Леонид Андреев

*Сюда к трамваю ходят пушкарки.
Вдруг номер подошел:
«Химмаш – ул. Пушкина»*

И ушёл трамвай далее к Оке. На Красный мост, на улицу такую, Пушкинскую

А вот Пушкин запечатлён с Ермоловым на доме, где когда-то состоялась их встреча. Памятная доска на улице Салтыкова-Щедрина, как приглашение Пушкину ехать из Орла по дороге на юг Орловщины, в Малоархангельск

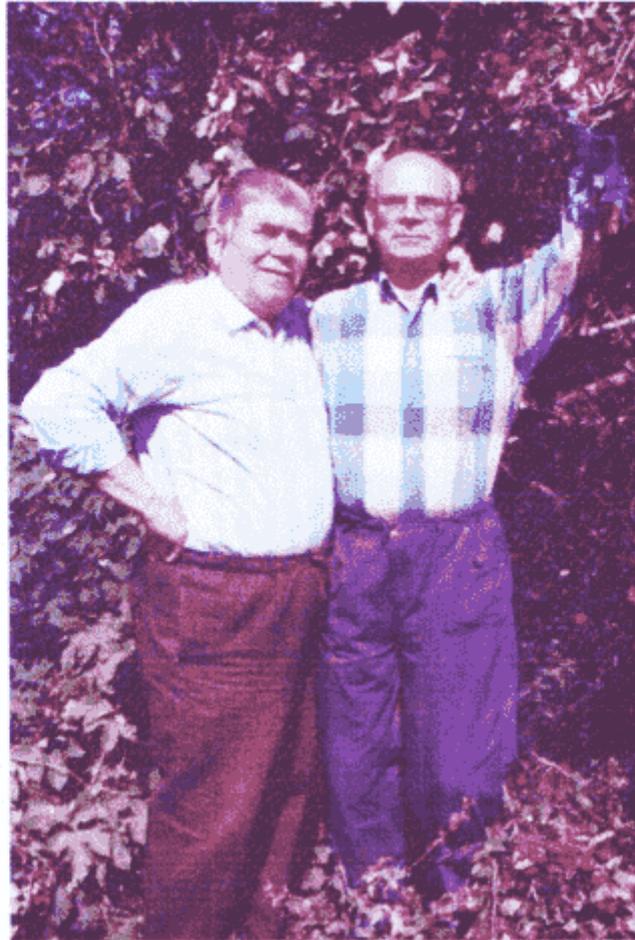
А вот и Малоархангельск. Знак на въезде в город, где когда-то был Пушкин

А.С. Пушкин в Малоархангельске

Каждый год мы с библиотекарями проводим у памятника Пушкину в день рождения поэта 6 июня День поэзии, День русского языка, учрежденный ЮНЕСКО. И в этот раз встреча с детьми, читающими стихи нашего национального гения

А это мы с Леонидом Тихоновичем Морозовым, моим ещё студенческим другом. Приехал ко мне сюда, в Малоархангельск, аж из Забайкалья, чтобы посмотреть на места, связанные с Пушкиным

И снова в Орле. На Привокзальной площади. Орёл, взлетая, приветствует приезжающих в наш город, летящий над Окой

*Колокола. Отлиты, но пока ещё не подвешены.
У первого в истории Орла Богоявленского храма*

*Пушкин в Орле.
«Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы»*

Содержание

СТИХИ И ПЕСНИ ОБ ОРЛЕ	3
Гимн Орлу.....	4
Песня об Орле.....	5
Моя Орлея.....	6
Страны света.....	7
Александровский мост.....	8
Улица Латышских Стрелков.....	9
Качели.....	10
На прекрасной голубой Оке.....	11
Червонная свеча.....	12
«Бристоль».....	13
Эпиталама.....	14
Розовая «Стрелка».....	15
Старый солдат.....	16
Тургеневская улица.....	17
Лиза Калитина.....	18
Орловчанка.....	19
Монастырка.....	20
Русичи.....	21
У храма Михаила-Архангела.....	22
Орёл.....	23
Белый самолёт.....	24
Деньги.....	24
На посту.....	24
Мысль, пришедшая в голову на рынке в Орле.....	25
Му-му.....	25
Голубь на балконе.....	26
Библиотека имени Бунина.....	27
Разговор с литпамятниками.....	28
Орлиная земля.....	29
ПУШКАРНАЯ СЛОБОДА	31
Деревянные кружева.....	34
ОРЁЛ – ПТИЦА С ДУБА, КРЕПОСТЬ НА ОКЕ (историческая драма)	35
МОЯ МАЛАЯ РОДИНА, МОЯ МИЛАЯ, МИЛАЯ РУСЬ (стихи)	69
Деревенский скрипач.....	70
Сокращённая электричка.....	71
Весёлая тройка.....	72
Торсионные силы.....	73
Заколдованная дорога.....	74
Грачи в ёлках.....	75
Пушкин и мы.....	76

Малоархангельск.....	77
Попрошу небеса: сохраните мне душу.....	77
ТРИПТИХ ПРО ГЕНЕРАЛА.....	78
Когда меня влюбляться подмывало.....	82
Сонет о любви.....	83
Сонет о Прометее.....	84
Вместо эпилога.....	85
Из молитвы оптинских старцев.....	85
Самая короткая молитва.....	85
М.Ю. Лермонтов. Молитва.....	86
ФОТООКНО.....	87

Мой город

Вот мой причал, мой дом, мой птица-город.
Я здесь живу – стрела на тетиве.
Удар крыла не раз изведаль ворог
На отдалённых подступах к Москве.

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

ОРЁЛ. КРЫЛАТЫЙ ГОРОД

Стихи и песни об Орле

Историческая драма

Фотоокно

На первой обложке: И.С. Тургенев в Орле
На задней обложке: мы с Игорем в Орле у библиотеки им. Бунина
Фото автора

Подписано в печать 10.12.2014 г. Формат 60x84 1/16
Печать ризография. Бумага офсетная. Гарнитура Times
9,75 усл. печ. л. Тираж 300 экз. Заказ № 300

Лицензия ПД № 8– 0023 от 25.09.2000 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орёл, ул. 2– я Посадская, 26. Тел./факс (4862) 44– 51– 46.
E– mail: kartush@orel.ru www.kartush-orel.ru

*Леонард Михайлович и Игорь Золотарёвы в Орле,
у библиотеки им. Бунина*

ISBN 978-5-9708-0451-3

